Контора

Автор:
Владимир Лынёв

Контора

Владимир Лынёв

В недалеком будущем человечество захлестнула волна психических заболеваний. Молодой психотерапевт Алекс Вульф устраивается на работу в государственную службу психологического мониторинга, призванную оградить общество от эпидемии. Вульф участвует в сеансах коллективных осознанных сновидений, конструируя терапевтические сны как новое средство борьбы с душевными недугами, но со временем понимает, что лекарство можно использовать в качестве оружия. Ему предстоит выяснить, что же на самом деле скрывается за стенами таинственной конторы, и какие идеи вкладывают создатели в передовую технологию лечебных сновидений. Содержит нецензурную брань.

Владимир Лынёв

Контора

Глава 1. Прибытие

Чек за поездку в такси вышел солидный, однако деваться было некуда. Алекс чертовски боялся опоздать в свой первый день на новой работе. Сколько времени займет дорога на общественном транспорте от аэропорта до центра города, он не знал, поэтому прибегнул к услугам первого эшелона обдираловки для туристов и приезжих. По прибытии в пункт назначения Алекс расплатился,

не оставив ни пенни чаевых.

– Гребаный скупердяй, – пробормотал водитель-иммигрант на хинди, увидев электронный чек на экране инфопада, прикрепленного к приборной панели. Но через мгновение натянул общественно приемлемую маску, в душе понимая, что только цена делает его привлекательнее беспилотников, и, повернувшись к пассажиру, отчеканил с широкой улыбкой на чистом амеранглике: – Хорошего дня, сэр!

– И вам всего наилучшего! – ответил Алекс Вульф, выбираясь из прохладного кондиционированного салона машины, пропитанного дешевым химическим освежителем воздуха, в знойное марево, накрывшее полуденный мегаполис.

Главный офис государственной службы психологического мониторинга находился в ничем не примечательном небоскребе. Его панорамные окна цвета размякшего от июльской жары асфальта казались зеркалом, подпиравшим небеса. Они отражали лихорадочный антураж города, напоказ искрившегося энергией и энтузиазмом, но в холодные ночи или в терпком одиночестве скорее напоминавшего гигантскую чумную яму для истерзанных душ.

Это было не самое высокое здание среди всех прочих, лишенное намека на помпезность. Нагая функциональность и строгость геометрических линий придавали ему вид эдакой серой мышки в яркой и пестрой городской толпе. От проезжей части его отделяла небольшая рекреационная зона с фонтаном посередине. Там же располагалось несколько мобильных торговых стоек с бургерами, хот-догами и газировкой. В дальнем углу, у входа в метрополитен, притаился газетный киоск. В общем и целом, обычный муниципальный пейзаж, банальный донельзя. Необычной была лишь организация, притаившаяся за типичными городскими декорациями. Над центральным входом офиса красовалась вывеска с гербом ГСПМ: человеческий мозг, закованный в цепи, а за ним маяк, озаряющий разум своим светом.

По пути к офису из зарослей декоративных кустарников, высаженных вперемешку с карликовыми деревьями, оформленными в актуальном урбанистическом стиле, на Алекса вывалился бездомный и принялся клянчить мелочь.

– Отвали! – Вульф от неожиданности отпрянул в сторону и ускорил шаг.

– Не ходите в эту башню, мистер, – не отставал бродяга, плетясь за ним следом. – Там нет принцесс, но зато обитают чудовища!

– Ты так и будешь за мной тащиться? – прошипел Вульф, не оборачиваясь. – Где же полиция, когда посреди бела дня творится такое дерьмо?

Отвлекшись на перепалку с низкосоциальным гражданином, как их теперь называли, Вульф столкнулся с юнцом, плотно упакованным в толстовку до колен. Глубокий капюшон с забралом модной голографической маски надежно скрывал угреватое лицо.

– Хей, братишка! – возмутился тот. – Это свободная страна, но смотри, куда прешь. О`кей?

– Извините… – ответил Вульф с едва скрываемым раздражением, за что был удостоен поднятого вверх среднего пальца, засим конфликт был исчерпан.

При упоминании правоохранительных органов бездомного как ветром сдуло, но кислый запах давно немытого тела, мочи и перегара буквально засел у Алекса в подкорке. Пришлось достать из портфеля туалетную воду и спрыснуть шею, чтобы перебить вонь, навязчиво преследовавшую его, пока он пересекал минималистский парк, столь привычный обитателям крупных городов с плотной застройкой и крайне дорогой землей.

На входе Вульфа встретила большая автоматическая револьверная дверь, отделявшая шумную душную улицу от вестибюля с маячившей в глубине рецепцией. Она активировалась при его приближении и медленно поползла по кругу. Разместившись в одной из ячеек, Алекс стал неторопливо продвигаться внутрь здания. На середине пути дверь застыла, не давая ему ни войти, ни вернуться на улицу. Несколько секунд он недоуменно оглядывался по сторонам, осторожно потолкал остановившуюся лопасть вперед, после аккуратно постучал по стеклу, пытаясь привлечь внимание персонала. Неожиданно весь свет как искусственный, так и естественный погас, оставив Вульфа в кромешной темноте. Над головой загорелась красная лампочка аварийного освещения. Он оказался запертым в зеркальной комнате, наполненной тревожным багровым светом, в окружении десятков своих отражений. Они смотрели на него, а он разглядывал их. Вульф сосредоточился на фигуре, стоявшей ближе всего. Из зеркала на Алекса таращился молодой человек в районе тридцати лет с зачесанными назад

каштановыми волосами и легкой небритостью на щеках. Недорогой костюм, делавший его похожим на клерка средней руки, был изрядно помят из-за многочасового перелета и долгой дороги. Белки холодных голубых глаз покрылись рубиновыми дельтами полопавшихся капилляров. Тонкие губы кривились в гримасе растерянности.

Одно из отражений вышло вперед и уселось на неизвестно откуда появившийся стул прямо напротив Вульфа. Алекс обернулся, но стула за собой не обнаружил. Пальцы судорожно вцепились в ручку портфеля, пытаясь компенсировать нервное напряжение. Двойник сидел перед ним, свободно расставив ноги. Руки, сложенные пирамидкой, подпирали подбородок.

Несколько утомительно долгих секунд он пристально всматривался в лицо Вульфа, а затем с усмешкой задал вопрос:

– Вам когда-нибудь казалось, что вы безумны?

Отражение перед Алексом плыло и искажалось, как изображение на экране устаревшего лампового телевизора при плохом сигнале вещания. Позы и выражения лица двойника менялись судорожно и непредсказуемо.

Вопросы следовали один за другим.

– Вы сегодня уже мастурбировали? – каждое слово произносилось будто бы отдельно, не привязываясь к общему смыслу построенного предложения. Первое проговаривалось затравленным полушепотом, второе вбивалось менторским тоном, третье выкрикивалось истеричным фальцетом.

– Как часто вы испытываете чувство вины?

Ответов не требовалось.

– Вы боитесь оказаться голым перед группой незнакомых людей?

Досада за столь нелепую потерю контроля над ситуацией сменилась раздражением. Страх сломался под тяжкой ношей усталости. Понимание пришло, когда Вульф заметил бесстрастные глазки камер, взиравшие на него с

разных ракурсов.

«Очередной стресс-тест!» – подумал он.

Когда в голове родилась эта идея, весь фарс прекратился. Кратковременная темнота сменилась привычной картиной рутины рабочих будней. Дверь продолжила свой плавный ход, впуская его в вестибюль государственной службы психологического мониторинга, структуры пока не закостеневшей в многолетних бюрократических традициях, а потому еще способной на подобные неоднозначные спецэффекты. Само его появление в этих стенах говорило о данном факте.

На больших голографических экранах информационных мониторов, развешанных на стенах лобби, дабы скрасить ожидание посетителей, крутились рекламные ролики, призванные осветить цели, задачи и характер работы ГСПМ. Они вносили стерильную маркетинговую простоту и ясность в ту область медицины, где ясности отродясь не водилось. Напротив, будучи территорией абсолютного хаоса и энтропии, она могла свести с ума любого неподготовленного путника, случайно забредшего в эти мреющие земли. Вульфа всегда мутило от подобной пастеризованной информации. От нее смердело корпоративной этикой, накрахмаленными белыми воротничками и антисептиком для рук из офисного туалета.

Говорящие головы, максимально приближенные к стандартизированным эталонам красоты и приятия, гипнотизировали рекламными проповедями свою невольную паству на всех широко распространенных языках мирового сообщества. Их тщательно подобранные по тембру и тональности голоса подталкивали к бесстыдным фантазиям о нежных любовниках из самых потаенных грез, беззастенчиво лаская слуховые нейроны.

«Человек разумный – так именуют наш вид, и то, что оставалось неизведанной территорией для ученых минувших веков, сокрыто в этом названии. Разум. Предмет философских, теологических и этических диспутов. Понятие, некогда окутанное ореолом мистической тайны, сегодня становится фундаментальным объектом прикладных исследований…»

«Начало десятилетия ставит новые задачи перед современной медициной. Статистика расстройств сознания и заболеваний разума говорит о

формировании эпидемии нового образца, сталкиваться с которой прежде обществу не приходилось…»

«Ни для кого не секрет, что интеллект в двадцать первом веке превратился в главный и основополагающий инструмент ремесленного труда. Объемы информации, обрабатываемые мозгом каждый будний день, ежегодно увеличиваются в геометрической прогрессии. Информационный шум, обрушивающийся на анализаторы ежечасно, заставляет сознание отказаться от когнитивных функций в угоду функциям сита, где крупицы полезной информации высеиваются золотом из речного песка. Интенсивный ритм жизни вынуждает принимать миллион взвешенных решений за единицу времени и не прощает ошибок. Ночь – время восстановления. Перезагрузите свое сознание с аппаратом «Морфей». Снижение стресса, профилактика эмоционального выгорания и расстройств психики. Наши незабываемые сны – лекарство нового поколения…»

Алекс мысленно отсек все лишние впечатления и интуитивно шагал по подсвеченной дорожке, приведшей его к нужному администратору. Рецепция представляла собой цветник, наполненный молодыми людьми всех сортов и оттенков. Лицо ГСПМ походило на фреску эпохи Возрождения. Она символизировала глобалистские тенденции, существенно сдавшие свои позиции после арктической военной кампании, завершившейся подписанием договора о перемирии между Североатлантическим Альянсом и Содружеством Независимых Государств. Пускай политическая повестка пропагандировала всеобщее недоверие, в службе психологического мониторинга, судя по всему, ей не следовали. Сотрудница, к которой его незримо направили, по всем внешним признакам была родом со Скандинавского полуострова. Она одобрительно довела его взглядом до своего рабочего места и приветливо улыбнулась, поздоровавшись.

– Александр Волкофф, – утвердительно, но с некоторым трудом произнесла она. – Мы рады приветствовать вас в ГСПМ, инновационном проекте по поддержанию душевного здоровья человечества.

– Зовите меня Алекс Вульф. Перед самым отъездом я получил паспорт интернационалиста. Думаю, так будет проще для всех.

– Очень хорошо, Алекс. Как добрались?

– Долго. Муторно. Почти не спал.

Лицо девушки приняло сочувствующую мину:

– Тогда у вас есть немного времени, чтобы перевести дух. Менеджер по работе с персоналом встретит вас совсем скоро. Прошу пройти в зону ожидания. Угощайтесь чаем, кофе и безалкогольными прохладительными напитками, – слегка помедлив, администратор добавила: – Наше учреждение работает по принципу самообслуживания.

Вульф ухмыльнулся:

– Пояснение для неандертальцев из стран третьего мира?

– У всех нас свое культурное и общественное наследие, – смутилась девушка. – Это одобренная руководством стандартная формулировка общения с посетителями.

– Я понял. Ноль проблем.

Администратор облегченно и практически незаметно выдохнула, одарив Вульфа отработанной профессиональной улыбкой.

– Хорошего дня, Алекс, и добро пожаловать в Контору.

Глава 2. Рекрут

Менеджер по работе с персоналом явно не спешила. Алекс успел заварить себе зеленый чай с мелиссой, наскоро проглотил пару сдобных булочек с джемом, красиво разложенных в вазочках для угощения посетителей, и удобно устроился на офисном диванчике, потягивая ароматный горячий напиток. Полистав несколько периодических изданий по психологии и психиатрии, он принялся было задремывать, слегка разомлев от перекуса, однако, вынырнув в очередной раз из краткосрочного забытья, Вульф обнаружил, что находится в совсем ином помещении. Никакого офисного вестибюля вокруг не было и в помине – одни

голые белые стены, уходящие в бесконечность. За антрацитовой глыбой рецепции, зависшей в полуметре над полом, сидели разноцветные изломанные манекены для краш-тестов. Алекс был пристегнут к такому же креслу, как и манекены. На самом пороге слышимости кто-то вел медленный и монотонный отсчет от десяти к одному. Вульф стал падать в белую бесконечность, пока пространство над ним не обрело форму женских губ и не щелкнуло его по темечку фразой: «Вы в порядке».

– Вы в порядке? – спросила девушка в строгом деловом костюме, слегка склонившись над Алексом, но все же находясь на безопасном расстоянии от его зоны комфорта и вне амплитуды резких телодвижений едва проснувшегося человека.

Вульф вздрогнул, не без труда вынырнув из странного сновидения, сел ровно и ответил, попытавшись принять благопристойный и глубоко профессиональный вид:

– Да, мисс. Похоже, я ненадолго задремал.

Щеки девушки раскраснелись от быстрой ходьбы, а непослушная прядка коротких волос, выбившаяся из прически, была моментально водружена на место привычным бессознательным движением.

– Здоровый естественный сон – это привилегия, которую мы дарим обществу, мистер Вульф. Радуйтесь, что вы еще на него способны без аппаратной поддержки и медикаментов, – она небрежно протянула руку, и Алекс машинально пожал ее. – Меня зовут Жюли Орье. Я старший научный сотрудник и занимаю должность менеджера по работе с персоналом в службе психологического мониторинга. Мой отдел занимается поиском и рекрутированием кандидатов в психонавты. Прошу следовать за мной.

– Психонавты? – удивился Вульф. – Насколько мне помнится, я претендовал на должность психотерапевта. Разве нет?

– Все верно. Внутренний сленг. Скоро привыкнете.

Орье, не удостоив его дальнейшими разъяснениями, развернулась на низких каблуках и уверенно зашагала в сторону лифтов, располагавшихся в глубине

вестибюля. Алексу только и оставалось что, подхватив свой портфель, поспешить следом, стараясь не сбить горшки с декоративными растениями, по чудной прихоти дизайнера интерьеров хаотично разбросанными на территории лобби. Едва Орье нажала кнопку вызова, створки справа от нее бесшумно распахнулись, впуская их в просторную кабину, наполненную тихой мелодичной музыкой и мягким успокаивающим светом.

– Вы не боитесь замкнутых пространств? – неожиданно спросила Орье у Вульфа, когда лифт мягко потащил их наверх.

– Естественно нет.

– Вы использовали слово «естественно» как защиту. Почему?

– Любое отклонение от нормы делает тебя уязвимым.

– Согласно врачебной этике рекомендовано говорить «особенности», – пояснила Орье, – а никак не «заболевания» или «отклонения».

– Ну а мы у себя на задворках цивилизованного мира без зазрения совести используем выражения вроде «поехал кукухой», «потек крышей» и прочие нерафинированные фразеологизмы.

Губы Орье слегка скривились, будто она попробовала лимон.

– Ваша культура слишком прямолинейна. В англосаксонской традиции, ставшей нормой делового общения в западном обществе, это сочтут за грубость и невоспитанность.

– Мы же зачастую сочтем за лицемерие ваши формулировки, – парировал Вульф. – Довольно культурологических экскурсов. Вы пригласили меня не ради толерантности и скругленных углов. Сии характеристики точно не относятся к моим сильным профессиональным сторонам. Однако я здесь.

– Это верно, – согласилась Орье. – Вы обладаете набором определенных психосоматических параметров, необходимых для успешного выполнения предстоящей работы. Плюс богатый клинический опыт. После завершения

боевых действий на арктическом шельфе вы активно участвовали в реабилитации многих пациентов с посттравматическим стрессовым расстройством. Откуда взялось такое истовое христианское рвение?

– Глубокое личное погружение в проблему, знаете ли.

– Как романтично… – процедила сквозь зубы Орье.

Створки лифта распахнулись с характерным предварительным сигналом, выпуская их в просторный коридор. Жестом Орье пригласила Вульфа идти следом.

Пол коридора выстилал ковролин с замысловатым геометрическим узором ярких оттенков, присмотревшись к которому можно было утонуть в фантасмагорической бесконечности. По полу ползали лаборанты службы психологического мониторинга, тщательно перебирая ворсинки, нежно поглаживая их и иногда с упоением зарываясь лицом в ворс.

Вульф остановился и завороженно уставился на разыгравшееся перед его взором парадоксальное действо, почувствовав себя невольным участником артхаусной постановки в любительском экспрессионистском театре.

– Что они делают? – спросил он.

– Добровольцы из фармакологического отдела тестируют новые синтетические энтеогены, – бросила через плечо Орье.

– Не думал, что попаду в коммуну хиппи.

– Мы не можем экспериментировать на посторонних, – Орье резко остановилась. – Не выноси сор из избы. Так ведь у вас говорят? Территория наших интересов далека от устоявшихся рамок. Стоит ли удивляться разносторонности используемого инвентаря?

– Неожиданно наблюдать подобный подход на государственной службе.

– Напротив, переход из сферы частного предпринимательства на государственное финансирование многое упростил. Например, легальный доступ к запрещенным бюро общественной безопасности веществам, оборудованию и технологиям.

– Узаконенный оборот наркотиков? Похоже, я влип.

– Вы такой скучный, мистер Вульф! Привыкли к синим чулкам и пыльным инфотекам у себя на родине?

– Есть немного.

– Выбросьте из головы представления о привычных шаблонах протокольных научных исследований. Можете считать Контору современной башней из слоновой кости для ученых в сфере психологии, психиатрии и нейрофизиологии. Здесь сконцентрированы лучшие умы и работают сотрудники, считающиеся пионерами в своих профильных областях.

– Похоже, один из ваших пионеров недавно обделался… – ехидно заметил Вульф.

Они оставили позади экспериментальный кусочек мира и благоденствия, выпестованный нейрохимическими методиками посреди акульей фермы корпоративной реальности, продолжив путь к кабинету Орье.

Алекс глубоко задумался. Лобовое стекло его внутренних чувств едва позволяло трезво оценить ситуацию. Анализаторы словно обдало весенней грязью из-под колес встречной машины. Зашоренное восприятие сбивало с толку, и от этого он ощущал себя особенно некомфортно. В головном офисе государственной службы психологического мониторинга не было острых граней как в архитектуре, так и в формулировках, принятых в общении его персонала. Все вокруг было чрезвычайно обтекаемым и зыбким. Миражами в пустыне. Он будто скользил по склону горы в пропасть неизведанного. Алекс не мог остановиться, уцепившись за надежную и крепкую опору.

В кабинете Орье паранойя ослабила хватку на горле Вульфа. Там царил порядок, рационализм и контроль. Аскетично обставленный офис был чистым, светлым и умиротворяющим. Многочисленные папки с электронной бумагой лежали

аккуратными стопочками на большом умном столе со столь разнообразным и богатым функционалом, что любой топ-менеджер искусал бы локти в попытке заполучить такой же. На полках вдоль стен хранилась огромная коллекция профильной прикладной литературы. На диванчике в углу офиса остались лежать неприбранными с ночи смятые декоративные подушки и свесившийся с края плед.

Проследив за взглядом Вульфа, Орье пояснила:

– Иногда приходится задерживаться допоздна.

– Не знал, что в амеранглике «иногда» и «регулярно» стали синонимами.

– Сказать по правде, мое жилье не особо отличается от этого офиса, так зачем бессмысленно тратить время на дорогу туда и обратно? Вопрос сугубо риторический, и давайте сразу расставим все точки над «и»: первое – это не ваше дело, а второе – как вы догадались?

– Никакого психоанализа, лишь старое доброе обоняние. Здесь пахнет не офисом, а жилыми апартаментами.

Орье хмыкнула, располагаясь в мягкой зоне, предназначенной для приема посетителей, и предложила Вульфу последовать ее примеру.

– Поздравляю. Пока что вы демонстрируете все поведенческие паттерны, благодаря которым вас пригласили принять участие в этом проекте.

– Как раз об этом и хотелось бы поговорить. Извольте пролить свет на характер предстоящей работы и роль, уготованную мне.

– Всему свое время, мистер Вульф. Остался последний вопрос. Что подвигло вас бросить все и отправиться на другой конец света?

– Предложенная оплата труда и имя Джона Пейтона в качестве научного руководителя.

– Ваш напускной цинизм столь же смешон, как первые курчавые волосы на лобке у подростков, которыми они так гордятся в юности. Говорите правду или отправляйтесь восвояси первым же рейсом.

– О`кей. В проницательности вам не откажешь. Раз вы так просите… – он кашлянул в кулак, прочищая горло и собираясь с мыслями. – Безнадега. Депрессия. Отсутствие возможной самореализации там, где я находился. Наивно, но в мире, о котором я мечтал, врач, полностью посвятив себя выбранному призванию и саморазвитию, должен был помогать людям и получать за это достойное вознаграждение, позволяющее ему не заботиться ни о чем кроме работы. В реальности все оказалось иначе. Медицина свелась к сфере услуг. Ты должен был впаривать помощь пациентам вроде шарлатана от мира эзотерики, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Мне же хотелось быть на острие профессии.

– Идеалист, да? Пожалуй, это даже будет интересно. Вы либо инфантильный дурак, мистер Вульф, либо…

– Либо?

Орье не ответила, обдумывая услышанное. Тонкие пальцы с неброским маникюром телесного цвета неосознанно теребили желтую шелковую ленту на запястье левой руки, прикрытой рукавом пиджака.

Алекс понимал, что она пытается прочитать между строк. Анализирует его причесанную и напомаженную версию истины. Разве мог он признаться в том, что после Арктики стал психологическим калекой? Дело тут крылось не только в пережитом ужасе и посттравматическом стрессовом расстройстве. Вульф изменился. Его разум был не в порядке. После увольнения в запас он так и не смог толком социализироваться. Посильно оказываемая ветеранам шельфовой кампании помощь была сугубо симптоматической, а потому, чтобы разобраться в этиологии проблемы, ему пришлось отправиться за океан. Алекс Вульф искал свое место в мире и возможность применить полученные в медицинском университете знания на практике. Он хотел быть полезным людям, подспудно обретя исцеление на передовой научного фронта.

Поняв, что неловкое молчание затянулось, Вульф перешел в наступление, подводя итог вышесказанному:

– Таким образом, мне требовалось новое начало. Неважно, будет оно лучше или хуже моих предыдущих мытарств. Главное, что совершенно иное и будоражащее разум, ибо скука порождает апатию, а апатия – это маленькая смерть.

– Мне всегда казалось, что оргазм – это маленькая смерть. Так, по крайней мере, говорят французы.

Вульф рассмеялся:

– Судя по всему, в течение жизни мы проходим экзистенциальную реинкарнацию бессчетное число раз. Индуисты с буддистами были бы в восторге, но вернемся к моему вопросу…

Орье приняла решение:

– Слушайте и запоминайте, потому что повторять дважды я не буду. Контора является центральным офисом ГСПМ. В этих стенах мы занимаемся программированием терапевтических модулей, загружаемых впоследствии в аппараты «Морфей». Они широко представлены на рынке медицинских услуг в любой аптечной сети и рекомендованы к ежедневному использованию Министерством здравоохранения. Процесс конструирования таких модулей весьма сложен и не поставлен на конвейерный поток. В нем комплексно и поэтапно задействованы все отделы Конторы. Верстаком для подобной работы служит особое сознание – так называемый хост. В хосте созревает заложенная специалистами Конторы активная информационная единица – семя. Это будущая основа терапевтического модуля. Извлечение семени из хоста – плод синергического труда нескольких разумов. Группа извлечения представляет собой отряд психонавтов, находящихся в аппаратном сеансе коллективного осознанного сновидения на базе хоста. Основной проблемой является то, что отрядов психонавтов у нас не так много, как хотелось бы, а мистер Пейтон постоянно требует достижения более глубоких и комплексных терапевтических результатов от производимого продукта. Внедрение в хост и извлечение семени дают чрезмерную нагрузку на разум психонавтов, что вынудило нас путем опытных изысканий ввести в отряд новую ролевую модель, именуемую якорем. Вы станете нашим первым якорем, Алекс. Сегодня вы отдохнете и наберетесь сил после долгой дороги, а завтра нас ждет много работы.

Глава 3. Психонавты

Этой ночью Вульфу ничего не снилось. Видимо, он слишком вымотался из-за долгого перелета и смены часовых поясов. Алекс кое-как проснулся от очередного сигнала будильника в гостиничном номере, снятом ему Орье в отеле неподалеку от Конторы. Голова раскалывалась на части. Глаза не хотели открываться. Он словно не спал ни минуты. Пришлось приложить немало усилий, чтобы выбраться из постели. Наскоро приняв душ, Вульф заварил кофе и выкурил пару сигарет – самых обыкновенных, без использования всех этих новомодных гаджетов. Привычка осталась у него с армейских времен, и избавиться от нее оказалось непросто.

По дешевой инфопанели транслировали утреннюю сводку новостей, где в подробностях рассказывалось, что число самоубийств по причине суицидального психоза за последний месяц в среднем составило около сотни зафиксированных случаев, приходящихся на каждый город-миллионер. Но статистика в Соединенных Государствах Америки планомерно пошла на убыль вследствие учреждения службы психологического мониторинга. Крупные кадры с мест происшествий без прикрас демонстрировали тела, размазанные по асфальту после падения с многометровой высоты, висельников на фоне самых разнообразных бытовых декораций, утопленников в пресных и соленых водоемах от тропиков до северных широт, самострелов в панировке из костей черепа и ошметков мозга, ванные комнаты в багровых подтеках и прочие анатомические красоты, способные взбодрить самого хладнокровного обывателя. Среди детей в первопричинах психозов специалистами было выявлено генерализованное депрессивное расстройство личности, завязанное на родительской депривации в связи с всевозрастающей утратой актуальности классической семьи как полноценной ячейки общества, с перекладыванием воспитательных функций на частные и государственные организации. Взрослые, перегруженные нестабильностью общественного окружения, избыточным объемом обрабатываемой информации, стрессом профессиональной активности, невозможностью реализовать себя в полной мере и отсутствием прочных эмпатических связей с друзьями и любовниками, доминировали в категориях когнитивной, социальной и эмоциональной депривации. Депривация провоцировала появление депрессивного расстройства, терминальной стадией которого становился суицидальный психоз.

От бесчисленных похорон картинка переключилась на ручейки из городских паломников, стекавшихся в зоны бесплатной сетевой раздачи ради цифровых проповедей, набиравших с каждым днем все большую популярность.

Репортаж вело бодрое молодое существо с бесполой внешностью ангела:

– На фоне безрадостной действительности неудивительным смотрится тот факт, что огромное число людей с головой погружается в эзотерику, астрологию и мистицизм. В этот скорбный час в ход идет все: от классических монотеистических верований до сантерии и синтоизма. Феноменом последних лет стала церковь «Единения». Число ее неофитов растет с каждым месяцем. Она проповедует юницизм. Эта относительно молодая полурелигиозная трансгуманистская конфессия призывает следовать технологическим путем эволюции человеческого сознания. Неужели мы на пороге цифрового средневековья или всему виной продуманная агрессивная маркетинговая кампания? Бесчисленные сетевые проповедники, строительство гигантского храма посреди Сан-Франциско на десятки тысяч прихожан, звездные амбассадоры – все это…

Вульф, скривившись, выключил инфопанель. Он был далек от религии. От новомодных конфессий в особенности.

К назначенному часу Алекс оделся и перед выходом обильно спрыснул шею и волосы туалетной водой. Покинув номер, он обнаружил у двери человека из службы безопасности.

– Вы простояли здесь всю ночь? – спросил Вульф.

– Защита интеллектуальной собственности государства – одна из непосредственных задач мистера Пейтона на посту директора ГСПМ, а теперь прошу следовать за мной, сэр! – ответил охранник и больше не проронил ни слова на всем пути до Конторы.

Вульфу ничего не оставалось, как бесцельно пялиться по сторонам.

Не требовалось профильного медицинского образования, чтобы осознать одну простую истину. Город за окнами машины был болен. Впрочем, как и любой другой мегаполис, хотя имелись и существенные различия. Если там, откуда был

родом Алекс, многомиллионные людские сообщества напоминали прокаженных побирушек, подыхавших в подворотне посреди мусорных куч, то этот гарцевал декаденствующим аристократом-сифилитиком. За аурой курящихся ароматических свечей не чувствовалось вони гниения, а толстый слой грима прикрывал кровоточащие гуммы. Вульфа не мог обмануть внешний лоск. Он смотрел глубже, наблюдая за языком тела и поведенческими аффектами.

Сердечный ритм города пульсировал рваной тахикардией спринтера, которого заставили бежать марафон в привычном для бегуна на малые дистанции темпе. Он лучился энергией и жизнерадостностью антидепрессантов, запитых крепким кофе. Горожане на улицах походили на холеричных безумцев. Они болтали без умолку по беспроводным гарнитурам с невидимыми собеседниками, слепо смотрели в пространство перед собой, погрязнув в паутине инфосети, чьи глубины отражались на линзах дополненной реальности, которые мало кто снимал даже на ночь, хаотично мотали перед собой руками в перчатках виртуального взаимодействия – моторика пока оставалась наилучшим способом манипулирования программным софтом, а за патент на прямой интерфейс с центральной нервной системой до сих пор сулили баснословные премиальные корпоративные дельцы со всех континентов. Если бы Вульф мог лицезреть мир в инфракрасном спектре, то без особых проблем обнаружил, что разум среднестатистического обывателя пылает двадцать четыре часа в сутки.

На этом строилась вся трудовая философия. Цифровые рекламные агитки с ярмарок вакансий недвусмысленно призывали позабыть об отдыхе ради лучшей жизни, возможной не в райских кущах, но здесь и сейчас. Их мотивирующий посыл бил по яйцам убогого воображения прямым уколом адреналина в сердечную мышцу. Он оставался крайне нативным и сваливался к заповедям примитивного потребительского карго-культа и отращиванию павлиньих хвостов. Приторный мед речей информационных зазывал ничем не отличался от рабовладельческого хлыста, и все многовековое развитие социума свелось к риторически аккуратному и правильному формулированию.

Технологическая сингулярность беззастенчиво поимела общество. Походя на цепную реакцию, ее концепции и теории давно обогнали отсталый человеческий разум, приспособленный к каменному топорищу и праще. Плоды ее достижений были недоступны простым обывателям, чей мозг на пути к яблоку познаний превратился в банальные хабы и свичи. Нервная система стала не более чем оптоволоконным кабелем, по которому текли бесконечные потоки данных, а сознание перестало справляться с поставленными задачами. Симптомы были

повсюду. Приступы истерик и нарколепсия посреди бела дня. Апатия, соседствующая с гиперэмоциональностью. Удушливый смех и беспричинные слезы. Список можно было продолжать бесконечно долго.

Тепло попрощавшись с друзьями после мимолетных встреч, по завершении тяжелого трудового дня в погоне за мороком успеха, в комнате голографического присутствия, ставшей бытовым технологическим трендом последних лет, каждый с опаской поглядывал на широко открытые окна в приступе горького одиночества, не удовлетворенного общением с нолями и единицами, – вдруг Питер Пен предложит подбросить до Неверленда на заботливых волнах гравитации. Холодная кровать не грела душу, но теплый бок под рукой требовал существенной подпитки из персонального бюджета посреди непредсказуемой жизни и бесконечного праздника для мальчиков и девочек, что никогда не повзрослеют. Для большинства людей герметичная сфера серьезных отношений не оправдывала себя ни эмпатически, ни экономически, а потому отправлялась на помойку «гениальных» идей. Отсутствие в личной жизни прочных корневых связей уже давно перестало порицаться коллективным бессознательным, но логика внутривидовых популяционных взаимодействий давала сдачи за двоих нейрохимической голодовкой. Все же, как ни крути, мы стайные животные, возомнившие себя охренительно важными, сильными и независимыми личностями, и здесь крылось критическое противоречие. Наплевав на разъедающую душу гангрену одиночества, каждый возвел своему «я» убогий тотем и стал приносить ему в жертву собственный чувственный опыт. Наше эго посчитало, что столь редкий в природе единорог самосознания способен озолотить потомков. Ученые предпочли умолчать, что пресловутое «я» и продукты его жизнедеятельности являются не более чем артефактами исследования, радиочастотными помехами, глитчем, эдакими цифровыми газами, выпущенными в ноосферу.

На фоне общественно-социальных преобразований появление генерализованного депрессивного расстройства личности как новой нозологической единицы, выглядело вполне закономерным исходом, но вот формирование эпидемии, захватившей все континенты, не имело никаких предпосылок и не на шутку переполошило общественные институты.

Когда машина подъехала к зданию центрального офиса психологического мониторинга, Вульф заметил импровизированный пикет, состоявший в основном из бездельников-активистов с голографическими транспарантами. Они перегородили главный вход и заняли всю рекреационную зону. На плакатах

Алекс разглядел призывы вроде: «Хватит травить наш рассудок!», «Скажем “Морфею” – НЕТ!», «Сны – наше личное пространство!» Перед входом в Контору стоял довольно известный политик левого толка в окружении сопартийцев и телохранителей. Вульф опустил стекло, чтобы лучше слышать его гневную проповедь. «Они уже контролируют наши банковские счета, геолокацию и сетевой трафик. Теперь хотят добраться до нашего разума через пропагандистские сны. ГСПМ – очередная полицейская организация под крылом Дяди Сэма, пожирающая наши с вами налоги ради ограничения наших же свобод!..»

– Дерьмо! – буркнул охранник. – Придется в объезд. Мне поручено препроводить вас на завтрак с другими психонавтами.

Как сообщил Алексу его сопровождающий, весь персонал службы мониторинга питался централизованно на территории Конторы. Основной кафетерий располагался на первом этаже. Для того чтобы пройти к нему от главного входа, сперва нужно было пересечь лобби и оставить позади бесконечные коридоры технических помещений, а также отдел службы безопасности, где не особо были рады праздношатающимся посторонним служащим, но поскольку перед зданием развернулся пикет, машина доставила его прямиком на автомобильную парковку на цокольном этаже. Оттуда можно было попасть прямиком к дверям кафетерия, всего лишь поднявшись на лифте.

Приглушенные оконными стеклами и жалюзи яркие лучи утреннего света белыми полосами падали на просторное помещение, заставленное столами с простыми пластиковыми сиденьями. Посередине зала пили кофе трое мужчин. Двое сидело за одним столиком напротив друг друга, о чем-то негромко беседуя. Третий расположился за соседним, рассеянно теребя буйные рыжие кудри и с досадой разглядывая пустую тарелку перед собой.

– О! – оживился рыжий, заметив вошедшего Алекса. – В нашем полку прибыло. Топай сюда, дружище, не стесняйся. Нечего мяться как девка на выданье. Это по воле мистера Стейнбека мы торчим тут на юру так далеко от еды. Ему, видите ли, не нравится обонять вонь пищи, исходящую от буфета. Без чашечки крепкого кофе его пищеварительные железы не соглашаются работать, а нам, значит, приходится ждать, когда они соизволят выдавить из себя хоть каплю желудочного сока, чтобы мы уже смогли пожрать по-человечески с утра пораньше.

Подойдя поближе, Вульф кивнул, приветствуя мужчин, и представился:

– Алекс Вульф – якорь, что бы это ни значило.

– Наконец-то Орье с Пейтоном подобрали кандидата, – проворчал лысый джентльмен с аккуратно подстриженной седой бородой, рассматривая Алекса поверх приспущенных на нос очков. – Слишком долго мы ждали. Уже два отряда психонавтов успело пострадать от постгипнотической фуги, пытаясь добыть лекарство от генерализованного депрессивного расстройства личности из своих хостов. Пейтон говорит, что включение якоря в группу извлечения все исправит. Что ж, надеюсь, он прав, но, глядя на вас, молодой человек, трудно проникнуться его уверенностью.

– Думаю, не стоит так сразу развешивать ярлыки, мистер Стейнбек, – вмешался третий, протягивая Алексу руку. – Вспомните о мальчике, который кричал: «Волк! Волк!» Что до сей скромной персоны, то можете называть меня Сетом Беккером. Бывший врач федерального психиатрического центра. Особенности структуры сознания позволили мне стать прекрасным специалистом в области психодрамы. В сеансе КОС исполняю роль комиссара.

– КОС?

– Коллективное осознанное сновидение.

Рассматривая Беккера, Вульф не смог зацепиться взглядом ни за одну примечательную деталь в его облике. Напротив, Алекса не покидало ощущение, словно он видит сонм людей, запертых в зеркале.

– Профессор позитив и шут гороховый, – буркнул рыжий, вставая. – От такого приветствия недолго и штаны обмарать с испугу. Еще врачами себя называют. Пойдем, Алекс! – он хлопнул Вульфа по плечу. – Подальше от этих зануд. Я тебе покажу, что здесь пользуется особенной популярностью из съестного. Заодно и сам поем наконец. Звать Артур Гловер. В КОС – ама. Сминаю межличностные барьеры и растапливаю сердечки людей, точно масло на сковородке. Видал вчера милашку Жюли? Вот это попка!

Вульф улыбнулся:

– Разве ама не должна быть женщиной?

Гловер в сердцах всплеснул руками:

– Не хватало мне подколок Ямагути, так еще один умник нарисовался. Звучит красиво, и все тут!

Гловер провел Алекса к столам, уставленным разнообразной свежеприготовленной снедью, исходящей ароматным паром.

– У вас тут шведский стол, как в хорошем курортном отеле? – восхитился Вульф, рассматривая богатое разнообразие блюд, представленных на завтрак.

– С чего бы скандинавам приватизировать нашу еду? – удивился Гловер, набрасывая в тарелку себе и Алексу яичницу, поджаренные баварские сосиски, хрустящие тосты и немного салата с оливками и маслинами. – Мы, друг мой, называем это буфетом, а буфет хорош тем, что можно лопать до отвала, а потом еще чуть-чуть, пока задний клапан держит.

Вульф хмыкнул и спросил:

– Артур, а вы реальный психотерапевт или заштатный гуру с федерального инфоканала, отвечающий в дневном эфире на дурацкие вопросы из бегущей строки от прыщавых подростков и расплывшихся прокуренных домохозяек?

Гловер уставился на него с выражением человека оскорбленного в лучших чувствах и наставил вилку с нанизанной сосиской, капавшей жиром на пол, будто это было оружие.

– Получше иных прочих! – безапелляционно заявил он. – Для новичка у тебя слишком язык остер. Как проснемся, нам с тобой надо будет пройтись по пабам округи. Устроим алкогольный марафон. Это будет битва века!

– Я мало пью.

– Человек, рожденный Александром Волковым, говорит, что мало пьет? Не смеши мою мозолистую печень!

Они устроились за столом и принялись за еду. Аппетит Гловера, как успел заметить Алекс, был поистине первобытным. Через несколько минут к ним присоединились и Беккер со Стейнбеком. Беккер принес на подносе бургер с картошкой фри. Стейнбек ограничился овсяной кашей на воде и тостом с джемом.

Прожевав очередной кусок, Алекс забросил пробный камень:

– Вчера мисс Орье упоминала избыточные нагрузки на сознание группы извлечения, состоящей из загадочных психонавтов. Сегодня вы говорите о какой-то постгипнотической фуге. Что все это значит?

Гловер попытался было ответить, нечленораздельно мыча набитым ртом, но Стейнбек властным движением остановил этот поток междометий, отложил ложку, промокнул салфеткой рот и обратился к Алексу:

– Сколь многое успела вам поведать Орье о нашей работе?

– В общих чертах. Эта информация скорее напоминала рекламный буклет, нежели что-то конкретное.

Стейнбек вздохнул с досадой:

– В этом они с Пейтоном очень похожи. Никогда не вдаются в излишние на их взгляд подробности. Преследуют свои собственные цели, наплевав на осторожность, методологию и разумную интеграцию проверенных терапевтических принципов в новаторскую концепцию.

– И какая же у Орье цель?

Беккер подул на домик, сложенный им из бумажных салфеток, разметав его по столу, и ответил:

– Ах, мистер серый волк, подобные сюжеты стары как мир, и завязаны они на кровной мести.

– Мести кому?

– Не человеку, но болезни, – персонифицированные маски на лице Беккера менялись как цветовая мимикрия хамелеона, зависевшая от окружения. Возвышенный одухотворенный интеллигент ушел, освободив место парню с соседнего двора. – Такие загоны хороши для слезливого девчачьего фильма, который ты смотришь в пятницу вечером со своей подружкой перед сексом, но жить ради безумцев и мертвецов? Бред полнейший!

– Все это очень мило, но отвлекает нас от сути, – оборвал его Стейнбек. – Молодой человек, что вы знаете об аппарате «Морфей»?

– Немного читал о нем. В основном это были околонаучные статьи, блуждавшие по сети до того, как компанию Пейтона «Сновидения Инк» прибрало к рукам государство. Я считал «Морфей» чем-то наподобие очередной майнд-машины, проигрывающей человеку на сон грядущий песни китов в океане или щебет лесных птах и сопровождающей этот аккомпанемент правильно настроенными цветовыми кодировками в линзах дополненной реальности в надежде раскрыть потаенные резервы мозга.

Стейнбек кивнул.

– Удивительно точная формулировка бессознательного мнения общественности о научной работе мистера Пейтона, которого в свое время и хотело добиться профессиональное сообщество психиатров и психотерапевтов во главе с вашим покорным слугой. Нещадно корю себя за то, что участвовал во всем этом фарсе!

– И что же такое «Морфей»?

– Это панацея. Средство против эпидемии.

Вульф почувствовал легкий аромат мятного табака, но сперва не придал этому особого значения.

Гловер поднял взгляд от тарелки с едой и ухмыльнулся:

– Всегда забавно наблюдать, профессор, как вы падаете кверху брюхом при виде хозяина, зная, что где-то оставили лужу.

Алекс услышал приближающиеся шаги за спиной. Он обернулся и увидел Джона Пейтона – директора Конторы, одетого в стильный костюм-тройку и потягивающего на ходу электронную сигарету. Неторопливой поступью он шагал к их столику, заметно прихрамывая на правую ногу. Острый профиль лица особенно четко вырисовывался в солнечных водопадах, ниспадавших через жалюзи в пустой кафетерий.

– Напрасно вы зубоскалите, Артур! – сказал Пейтон, подойдя ближе и встав за спиной у Алекса. – Все мы здесь трудимся во благо человечества. Каждый в меру своих сил и возможностей, ради общей цели. То, что мистер Стейнбек посыпает голову пеплом, пытаясь справиться со стрессом от своих давнишних просчетов, к делу не относится. Я пригласил его на работу прежде всего как прекрасного психиатра. – Пейтон положил руку на плечо Вульфа, словно хотел представить его заново: – Что же до Алекса, то не беспокойтесь на его счет. Ему не нужна вводная лекция о методиках нашей работы и всякого рода исторические экскурсы. Его роль в отряде психонавтов пассивна, и он уже обладает всеми необходимыми качествами для успешного выполнения своих должностных обязанностей. Алекс погрузится в хост вместе с нами и пройдет весь путь через коллективное осознанное сновидение в поисках семени для терапевтического модуля «Морфея», не давая забыть, что мы спим. Точка.

– Молодой человек должен понимать, во что ввязывается, – возразил Стейнбек.

– Он ознакомился с трудовым договором еще будучи в родной стране и расписался на каждой странице электронной подписью. В том числе под пунктом о дозированном информировании.

Гловер фыркнул и подмигнул Вульфу:

– Читал, что написано мелким шрифтом?

Пейтон не стал отвлекаться на это замечание:

– Вы принимаете Алекса за того, кем он кажется на первый взгляд. Думаете, он овечка, отбившаяся от отары, но это волк в овечьей шкуре. Этот человек – один

из немногих, кто выжил при первых испытаниях нашими доблестными военными нейровируса «Раав» на тыловых госпитальных базах Содружества в ходе арктической кампании.

Вульф проглотил подступивший к горлу ком и с трудом восстановил сбившееся дыхание, закрыл глаза и неспешно досчитал до десяти. Зарождающийся приступ панической атаки с неохотой отступил прочь. Он обвел взглядом группу психонавтов, внимательно рассматривавших его как редкое исчезающее животное из красной книги, в связи с новой неординарной информацией, выданной директором.

– Что там произошло? – спросил Гловер.

– Из-за паралича дыхательной мускулатуры погиб почти весь персонал госпитальной базы вместе с солдатами, проходившими реабилитацию, – озвучил Вульф официальную трактовку давно минувших событий.

Гловер задумчиво почесал лоб:

– Если бы мне посчастливилось пережить подобное, я бы сунулся в эту страну с единственной целью – подтереться флагом Альянса в час пик на Таймс-сквер.

Вульф стиснул зубы:

– Я был военным врачом. В вооруженных столкновениях не участвовал, но воочию лицезрел их последствия. За время службы я отчетливо понял только одно. Человеческое эго в масштабах подобных противостояний равняется разве что самомнению блохи.

– Некоторые блохи больно кусаются, – сказал Стейнбек, глядя на Пейтона.

Беккер же произнес, ни к кому конкретно не обращаясь, тоном учителя, невзначай пытающегося подтолкнуть своих подопечных к определенным измышлениям:

– А еще они переносят чуму…

– Так или иначе, – проговорил Пейтон, недовольно зыркнув на Беккера, – мне пришлось воспользоваться многочисленными связями нашего высокопоставленного ангела-хранителя, сенатора Паттерсона, чтобы ускорить сдачу языкового экзамена и получение Алексом сертификатов соответствия медицинского образования для оформления рабочей визы и паспорта интернационалиста. Когда Орье предоставила мне список рекрутов, то, по моему скромному мнению, он был наилучшим кандидатом. Вернее сказать, единственным достойным внимания.

– Я и не мог предположить, что вы столь азартны, мой добрый директор! – восхитился Сет.

– Мне кажется, вы спутали партии, мистер Беккер, – резко оборвал его Пейтон.

– Так точно, сэр! Приношу свои глубочайшие извинения. Мне ли подвергать сомнению ваши решения? – он покаянно склонил голову.

Пейтон тем временем дал последние указания:

– Джентльмены, отправляйтесь в лабораторию «Гипноса» и начинайте готовиться к сеансу КОС, ну а мне необходимо представить Алекса нашей сновидице. К вам она привыкала в течение многих недель перед первым погружением в ее сознание, но сейчас времени в обрез. Надеюсь, наш новый специалист проявит все свое обаяние, чтобы понравиться малютке.

Трапеза была окончена, и психонавты встали из-за стола, направившись исполнять распоряжение директора. Пейтон поманил Алекса за собой, но когда тот проходил мимо Беккера, Сет неожиданно склонился к самому уху Вульфа и прошептал:

– Наши сны – это лабиринт. Так что же мы обнаружим в вашем: Тезея или Минотавра?

Глава 4. Сновидица

Камеры сновидцев походили на некий гибрид родом из кунсткамеры, порожденный стокгольмским синдромом от противоестественных сношений детской комнаты и взявшей ее в заложники лаборатории для подопытных мышей. Каждая обладала собственным настроением, обстановкой и внутренней энергетикой. Цветовое оформление различалось кардинально от ярких и навязчивых тонов, обожаемых незрелыми умами, до мягких и нежных естественных оттенков, навевавших тихое отупение и сонное согласие с любой идеей. Вещи, разбросанные по комнатам, мебель и игрушки были наполнены архетипическим символизмом. Стены камер представляли собой ударопрочные экраны, на которых транслировались визуальные материалы, дополнявшие дизайн. Для сторонних наблюдателей они были прозрачны, полностью открывая весь быт сновидцев.

– Словно рыбки в аквариумах, – сказал Вульф.

Он остановился у одной из камер и уставился на ребенка, игравшего на полу посередине комнаты. Тот сидел на пестром ковре и переставлял игрушечные фигурки. Сюжет его импровизированной инсталляции был до ужаса тривиален. Это было жертвоприношение. На вершине пирамиды, сложенной из цветастых банкнот, позаимствованных из бессмертной «Монополии», восседал важный человек в деловом костюме. В правой руке он держал часы, в левой – птицу. Перед ним стоял согбенный паломник в тяжких раздумьях о собственном выборе. По правую сторону пирамиды сгрудились всевозможные блага цивилизации: машинки, яхты, самолеты, дома, пальмы, Барби и Кены – услада для глаз ребенка любого возраста. По левую – палитра красок, конструктор и семейный фотоальбом. У подножия пирамиды решения паломника ожидали бесчисленные судьи: жены и дети, друзья и родители, сам Господь Бог в приемлемой для любого вероисповедания ипостаси. Несмотря на концептуальную сложность, нетипичную для детских игр, поразило Алекса другое. Сперва ему показалось, что с ребенком что-то не так, но, присмотревшись как следует, он понял, что его смущало: мальчику было около десяти лет, и налицо имелись все признаки синдрома Дауна.

– Это вообще законно? – спросил Вульф.

– Мы на государственной службе, – ответил Пейтон. – О чем может идти речь?

– Когда я слышал подобные ответы на родине, то задумывался еще глубже.

– Органы опеки и социальные службы передали этих детей на полное обеспечение, обучение и лечение в ГСПМ. Разработана целая государственная программа в поддержку нашей научно-исследовательской лаборатории, выдающая гранты кандидатам в сновидцы.

– Почему дети? Почему с синдромом?

– В чужое сознание не так-то легко проникнуть, Алекс. У него есть защитные барьеры и собственный иммунитет, а в некоторые сформированные умы лучше не соваться ни под каким предлогом. Они затянут вас в омут иллюзией спокойной водной глади, захватят, закрутят, утащат на дно и продемонстрируют картины истинно бессознательные, проросшие из толщи суровых и диких времен и корнями лежащие глубоко в генетической памяти, столь жуткие, что вы до конца дней своих будете ссаться по ночам, когда яркие безумные сны, взбудораженные психотравмой, всплывут из глубины вашего подсознания.

– И вы хотите сказать, что у детей с генетической аномалией этот процесс проходит проще?

– Дети с синдромом Дауна – это воплощенная эмпатия и любовь. Не все, но в большинстве своем это так. У них практически полностью отсутствуют сформированные барьеры и бессознательные защитные реакции против вторжения извне. Также они являются отличным коллектором информации.

Они двинулись дальше вдоль камер сновидцев среди снующих работников службы мониторинга. Некоторые были пусты, но большинство жило своей причудливой жизнью, будто полотна за авторством безумного художника-абстракциониста. В одной мальчик-подросток, сидя на жестком и неудобном стульчике, играл в популярную бестолковую виртуальную игру, а рядом на мягком диване лежала нераскрытая книга. В следующей – одинокая девочка бродила по зеркальному лабиринту среди десятков своих отражений, но стекла в тупиковых коридорах отображали не реальность, а сцены внутрисемейного психологического насилия.

Вульф поморщился, а Пейтон сказал:

– Люди – животные, Алекс, а мы дрессировщики в цирке. Дрессура – дело неблагодарное.

– Ненавижу цирк. Что за волшебные сны могут привидеться в подобной обстановке?

– Здесь важен не столько сам сон, сколько его идейное наполнение – семя. Терапевтические модули для «Морфея» мы программируем на базе мемов, заложенных в извлеченном из КОС семени сна сновидца. Они чрезвычайно приятны, смею вас уверить! Это максимально комфортная оболочка, где пациент каждую ночь бессознательно и с большой охотой станет выполнять бесчисленные сессии комплексных когнитивных и медитативных упражнений, налаживающих межсинаптические связи в коре головного мозга, гасящих патологически активные аффективные очаги и разжигающих электрическое пламя там, где оно флегматично погасло. Терапевтические модули назначает консультирующий психотерапевт службы психологического мониторинга согласно разработанному индивидуальному плану лечения. Все строго по назначению.

Наконец директор остановился и указал на ближайшую камеру:

– Вот мы и на месте.

Эта камера отличалась от всех предыдущих, уподобляясь скорее аскетичной монашеской келье, нежели технологичному будуару в стиле ар-деко. Голые каменные стены, простая деревянная кровать, тумбочка для вещей, несколько циновок, расстеленных на холодном полу. Небольшая библиотека включала в себя довольно специфическую подборку книг. Вульф рассмотрел корешки Библии, Корана, Трипитаки, «Размышлений» Аврелия и «О скоротечности жизни» Сенеки. Украшений было немного, но на фоне скромного убранства камеры они выделялись особенно ярко: небольшая аккуратно подстриженная лиственница в глиняной кадке, ветка сирени в керамической вазе с тонкой росписью, сад камней в уголке, омела над входом в комнату и репродукции картин импрессионистов, развешанные на стенах. Алекс не особо разбирался в живописи, но Моне и Ван Гога тяжело было спутать с кем-то другим. Они казались взрывом цвета и впечатлений посреди серой пустыни уединения, отрешенности и концентрированного внимания. Таким же, как и хозяйка комнаты.

Девочка сидела на полу в позе лотоса и пыталась медитировать, старательно пропевая мантру Ом и хитро следя за окружающей обстановкой через

полуприкрытые веки. Она была одета в ярко-желтый джинсовый комбинезон и растянутую фиолетовую футболку с принтом из популярного анимационного сериала. Игрушечные кроличьи уши, диадемой водруженные на голову, дополняли образ легкомысленной непосредственности, свойственной всем юным особам в этом возрасте. Рядом с ней лежал потрепанный розовый кролик с оторванным ухом и одним глазом-пуговицей.

У входа их ждала Орье, что-то проверяя в инфопаде. Они обменялись короткими приветствиями.

– Сновидица готова? – спросил Пейтон.

– Насколько это вообще возможно, – ответила Орье.

– Тогда быстро представьте ей Алекса, и отправляемся в лабораторию «Гипноса».

Орье вошла первой, а за ней последовал Вульф. Пейтон остался снаружи, выпуская густые клубы ароматного табачного дыма и просматривая накопившиеся в инфопаде сообщения.

– А-ха! – стоило им затворить за собой дверь, всю медитативную отрешенность девочки как ветром сдуло. – Целуйтесь!

– Черт возьми! – прошипела Орье. – Я совсем забыла про эту ее шутейку.

– Целуйтесь!

– О чем она говорит? – спросил Вульф.

– Однажды этой негоднице вздумалось заняться обустройством моей личной жизни. Сама еще сопли не подобрала, а меня называет старой девой. Вот и повесила эту дурацкую омелу над входом и заставляет меня целоваться с каждым вновь прибывшим в ее апартаменты гостем.

– Святые угодники! – девочка возвела очи горе. – Хватит болтать. К делу!

– Она не отстанет, – пробормотала Орье. – Времени мало, так давайте уже сделаем, как она просит. Не стоит портить ей настроение перед сеансом КОС.

– Только никаких обвинений в домогательствах, – вскинул руки Вульф. – Знаю я ваши порядки. Сами напросились.

Они неловко ткнулись губами в губы, вызвав у девочки приступ неподдельного веселья.

– Фу! – шутливо скривилась она. – В моем каменном саду и то больше страсти.

– Мы старались, – развела руками Орье.

– Да ладно… – девочка непреднамеренно растягивала слова, делала неожиданные паузы между произнесенными фразами и периодически жонглировала ударениями. – Бледненько вышло. Очень-очень по-детски. Так милуются малыши. Вы как черепашки. Выманиваются из домика вкусной виноградиной. Все врачи похожи на моего Жутю, – она потрепала игрушечного кролика за ухо. – Аж жуть берет!

– У каждой профессии свои недостатки, – ответил Вульф.

– Банни, – вмешалась Орье. – Позволь представить тебе Алекса Вульфа – нового члена отряда психонавтов. Сегодня он посетит наш общий сон в качестве приглашенного гостя. Алекс, познакомься с мисс Банни Чок, нашей выдающейся сновидицей.

– Приятно познакомиться, Банни!

Девочка поднялась с пола и сделала неуклюжий реверанс, застенчиво улыбаясь.

– Почему мисс Орье называет тебя сновидицей? – спросил Вульф у Банни.

– Все очень-очень просто, Алекс Вульф! Я вижу сны. Доктора делают из него лекарство для других людей, и им становится лучше. Правда здорово?

– Еще как!

– Алекс Вульф, Эгг говорит, что внутри тебя притаился монстр, – сменила тему Банни.

– Кто такой Эгг?

– Ее тульпа, – ответила Орье. – Стабильная самовнушаемая осознанная визуализация, способная к самостоятельным мыслям и действиям и обладающая собственным сознанием. Банни, мы с тобой уже много раз беседовали насчет Эгга. Это игра твоего воображения. Настоящий Эгг пропал, как и большинство детей из приюта «Единения».

Банни нахмурилась:

– Эгг говорит, что он очень-очень настоящий. Никакая не чертова тульпа! Сестренка Жюли знает. Просто боится сознаться. Стоит вам причинить мне вред, как не оберетесь вы бед в обед. Это у сестренки Жюли есть тульпа. Лежит в верхнем ящике прикроватной тумбочки… – она ненадолго замолчала, будто обдумывая произнесенное, а потом пожала плечами: – Так говорит Эгг. О чем это он?

Щеки Орье налились краской, а Вульф улыбнулся и сказал:

– Каждому нужен кто-то сильный и уверенный рядом с собой, чтобы было не так одиноко, и жизнь не казалась энтропическим водоворотом. Путеводная звезда.

– Это правда. Когда мы были малышами, мама с папой отказались от нас с Эггом… – голос ее дрогнул от непреднамеренно вырвавшегося всхлипа, – потому что мы были бракованные. Бракованные не значит плохие, ведь правда? Жутя тоже бракованный, но я его по-прежнему люблю. Все, что у меня осталось, это братик. И Жутя. И сестренка, – она на секунду задумалась. – М-да! Не так уж и мало, оказывается.

Вульф возразил:

– Вы не бракованные. Вы просто иные, – слова оставили на языке мерзкий привкус лицемерия.

– Ты так не думаешь, Алекс Вульф. Это очень-очень видно.

– Хорошо, – Алекс выдохнул. – Хочешь знать, что я думаю на самом деле? – Орье, находясь вне поля зрения Банни, отрицательно мотнула головой, пытаясь предостеречь Вульфа, но он проигнорировал ее. – Дело тут вовсе не в вас и даже не в том, какими вы появились на свет. Просто в современном мире дети лишь мусор, оставшийся после романтического ужина. Любовь, семья – это не бурлящий в крови поток гормонов и хоровод страстей. Это автомобильное путешествие: иногда дорога ровна, а пейзажи прекрасны, но порой приходится толкать машину с пустым баком до ближайшей заправки. Многие к этому оказываются не готовы. Вот и все. Никаких шекспировских трагедий. Только двое людей, проваливших экзамен на семейную профпригодность. Таких пар бессчетное множество, а посему мы получили поколение, абортированное после рождения родительской апатией, – городских Маугли, взращенных инфосетью, искалечившей их сознание бесконтрольным потоком данных, эмоционально незрелых и неспособных к логическому мышлению, ломающихся от любого взаимодействия с социумом и одновременно страдающих от духовной изоляции. Но ты, Банни, как маяк, который поможет вывести этих больных дикарей из чащи. Ты такая же жертва слабости и безответственности своих родителей и системы их воспитавшей, как и тысячи людей по всему миру, страдающих сейчас от расстройств рассудка. Однако у тебя есть дар. Ты способна помочь исцелить их. Или, напротив, можешь пестовать свою боль, ковыряться в ране пальцем, пока не начнется заражение, носиться со своей неполноценностью, выставляя ее напоказ, как извращенец-эксгибиционист демонстрирует причиндалы малолеткам в парке. Выбор есть всегда, и он только за тобой.

Банни Чок смотрела на Вульфа широко распахнутыми глазами:

– Ты очень-очень не разбираешься в девушках, Алекс Вульф! Я-то хотела порцию обнимашек. Столько слов нагородил вместо этого! Но спасибо. За честный ответ. Это важно для меня. Я не Жутя. Меня не нужно беречь. Я полноценный человек. Вот так-то!

Улыбнувшись Вульфу, она вышла из камеры, поздоровавшись с Пейтоном, ожидавшим у порога. Тот подал знак Орье, что пора идти в лабораторию. Девушка жестом пригласила их следовать первыми, оставив ее наедине с Алексом на пару минут.

Стоило дверям камеры закрыться, как Орье подлетела к Вульфу и, схватив его за грудки, прижала к стене с такой силой, какую не ожидаешь встретить у хрупкой девушки.

– Какого хрена ты творишь?

Вульф удивленно вздернул бровь, обезоруженный подобным напором.

– Нет. Я серьезно. Как ты можешь нести подобную приторную чушь? У тебя ведь даже семьи нет.

– На то мы и психологи. Ради исцеления пациента мы самоотверженно врем на всех когнитивных и сенсорных слоях одновременно. Поэтому я всегда пользуюсь туалетной водой. Можно предположить, что приятно пахнуть уверенностью и правдой, но куда честнее признать, что до банального страшно и невыгодно смердеть ложью.

Когда эмоции поутихли, Орье устало выдохнула, ослабив хватку:

– Блядь! Ты ведь даже не представляешь, сколько времени я потратила на стабилизацию психоэмоционального состояния Банни после всех этих органов социальной опеки, приютов и придурочных приемных семей, а тебе, видите ли, вздумалось прочитать ей лекцию о неприкрытой правде жизни. Это девочке, живущей под колпаком в искусственно смоделированных условиях?

– Я доверился интуиции, – Вульф мягко положил свои руки поверх ее и с заметным, но не грубым усилием оторвал их от пиджака. – Эмпатия всегда была моей сильной стороной. Я очень хорошо чувствую людей, а мисс Чок намного сильнее, чем кажется на первый взгляд. Не стоит потакать ее слабостям.

– Ты идиот, Вульф! Банни балансирует на краю пропасти. Она на грани проявления диссоциативного расстройства идентичности. То, что ты принял за ее сильный стержень, – это альтер-эго. Нельзя давать ему топливо для самоутверждения, действуя напролом.

– Я думаю, ты утратила объективность оценочных суждений. Попросту говоря, глаз замылился. Вы позволяете девочке с генетической патологией чувствовать

себя беспомощной куклой, смаковать собственную депрессию вместо того, чтобы дать хорошего пинка под зад, повод для борьбы за жизнь, достойную цель существования. Кем был этот Эгг?

– Ее братом-близнецом. Тоже с синдромом.

– Характер?

– После того как родители отказались от них и передали в органы социальной опеки, он стал злым, непокорным и агрессивным.

– Закономерно. Он сделался для Банни щитом и опорой в суровых условиях приютов и приемных семей. Мальчик пробивал ей дорогу в жизнь.

– Эгг бил других детей, когда сестре причиняли боль, и она не могла дать сдачи ввиду мягкого характера.

– Любой добрый, робкий, беззащитный человек в душе жаждет, чтобы за него выражали агрессию, позволяя не выходить из зоны комфорта. Куда он делся?

– Исчез при невыясненных обстоятельствах, как и большинство сирот из приюта церкви «Единения». Бюро общественной безопасности до сих пор не закрыло расследование. Банни – одна из немногих, кого удалось отыскать. После психологического освидетельствования ее забрали в ГСПМ.

– Да уж! Нелегкая у малышки сложилась судьба. Возвращаясь к нашему вопросу, подытожим. Единственный ангел-хранитель пропал и теперь проявляется в виде анимуса, ведущего ее за собой. Анимуса, но не альтер-эго. Его можно использовать для стабилизации ее психического состояния на этапах взросления и формирования полноценной личности, постепенно заменяя посторонним сильным мужским архетипом. Можно разыграть карту «наставник».

Орье вспыхнула:

– Даже отбросив незнание анамнеза, что за заключения такие? У вас врачи до сих пор прижигают раны каленым железом?

Вульф примирительно поднял руки вверх:

– Выживаем по мере сил и возможностей, не познав социального комфорта и убаюкивающей радости стабильного бытия.

– Мистер Вульф, в ваши должностные обязанности не входят заключения или суждения, основанные на внутреннем чутье.

– А я-то грешным делом подумал, что благодаря его наличию вы меня и наняли.

Кулаки Орье судорожно сжались, но через секунду она немного расслабилась, взяв себя в руки:

– Идемте. Мы и так потеряли кучу времени, – она развернулась и зашагала прочь из камеры.

– Так точно, мэм! Я прямо за вами.

Следуя за Орье в лабораторию «Гипноса», Вульф невольно пришел к выводу, что Гловер был чертовски прав в ее личностной и антропометрической характеристике.

Глава 5. Гипнос

Воздух в кабине лифта звенел от напряжения, пока они спускались на подземный этаж Конторы, где притаилась лаборатория «Гипноса», сокрытая глубоко в недрах здания. Орье молча кипела от едва сдерживаемого гнева и смотрела строго перед собой, нервно теребя желтую ленту на запястье левой руки. Вульф подумал, как бы она не прожгла взглядом дырку в створках лифта. Банни тихо напевала какую-то старую красивую песню из эпохи виниловых пластинок и патефонов. Пейтон оставался невозмутим.

– Вижу, вы с Алексом нашли общий язык, – сказал он.

– Теперь он моя путеводная звезда, – непосредственно отозвалась девочка, наматывая прядь волос на палец.

Вульф заметил, как на скулах Орье заходили желваки.

– Чудно! – Пейтон потрепал Банни по голове, как ласкают смышленую собаку, разучившую новый трюк.

Когда они вышли на нужном этаже, Орье обратилась к Банни:

– Проводи, пожалуйста, мистера Вульфа до конференц-зала. Мне надо наскоро обсудить с директором пару вопросов.

– О`кей!

Алекс бросил быстрый взгляд в сторону Пейтона. Тот кивнул. Вульф взял в руку протянутую Банни ладошку, и девочка потянула его за собой по лаборатории, словно тягач, выводящий самолет на взлетно-посадочную полосу.

Здесь все было белым, но не таким ледяным и отталкивающим, как в больнице, а теплого цвета топленого молока. Многочисленные толстые кабели вились по стенам, уходя вглубь лаборатории. Шахматная плитка на полу с непринужденной легкостью довела бы до панической атаки человека с обсессивно-компульсивным расстройством. Пахло озоном, а белый шум исчез как данность. Остались только звуки, издаваемые людьми: тихие разговоры, шаги, барабанная дробь пальцев по сенсорным экранам. Проходившие мимо работники в кремовых халатах приветствовали Банни, а та махала в ответ.

– Уже видел махину?

– Какую?

– «Гипнос».

– Я слышал это название, но так и не понял, что это?

– Это здоровенная штука для общих снов. Здесь есть место, откуда ее хорошо видать. Пойдем покажу. Оставим сестренку в покое. Пускай повредничает.

– Почему Орье злится? Я делаю лишь то, для чего меня пригласили.

– Думаешь? Сестренка и папка вечно играют в свои надмозговые игры, – Банни выставила вперед пятерню и изобразила кукловода, управляющего марионетками. – А мы фигурки на игральном столе. Ты вторгся в ее владения. Проталкиваешь свое мнение. Ее метод – полный контроль. Вспомни сказку Андерсена. В нашей сказке Кай сунул под юбку Снежной Королеве раскаленную кочергу! – она захихикала.

– Ты не чувствуешь себя скованной из-за избыточной опеки?

– Я всю жизнь была лишней. Была не нужна. Никому. Сестренка заботится обо мне. Может, это клетка? Так и есть. Клетки строят из страха потерять, что любят. Такая тюрьма мне мила. Еще я уникум. Так говорит папка. Я как супергерой. Мои сны самые эффективные. Еще он говорит, что я могу лучше. Если убрать сдерживающий фактор.

Вульф вопросительно посмотрел на нее, но Банни пожала плечами, а затем улыбнулась:

– На самом деле, я очень-очень рада. Ты появился здесь, Алекс Вульф. Всего пара дней прошла. Расклад сил изменился. Настала оттепель. Сердце сестренки немного подтаяло.

– Гнев – весьма спорное средство для наведения мостов.

– Гнев лучше ее маньячного упорства. Помнишь, как в книжке было? Гроздья гнева зачастую проливаются на плодородную почву семенами любви.

Алекс фыркнул, но Банни парировала:

– Я, знаешь ли, романтичная натура. Кое-что смекаю.

– Идем, натура! Для солнечного ребенка ты больно складно языком мелешь.

– Фу! Не называй меня так больше.

– Хорошо. Не стану.

– Но суть ты уловил. Мы все страдаем по-разному. Мне очень-очень повезло. Учеба, конечно, дается тяжко. Здоровье ни к черту. Эмоции душат. Иногда я веду себя как сущий ребенок. Думать сложные мысли – все равно что идти по свежевспаханному полю после обильного дождя.

Алекс удивленно посмотрел на нее, но Банни отмахнулась.

– Это тоже из книжки. Сама такое не осилю. Со временем привыкаешь. Главное не раскисать. Смотри!

Они вышли на смотровую площадку с панорамным окном во всю стену, открывавшим вид на главный секрет Конторы. «Гипнос» располагался в просторном помещении, наполненном всевозможной аппаратурой. В сумраке мерцали экраны с кардиограммами, энцефалограммами, спирограммами, общими и биохимическими показателями крови, срезами магнитно-резонансной томографии и многими другими результатами исследований, которые Вульф не смог интерпретировать в силу незнания, но не это приковало все его внимание. На огороженной площадке с желтыми проблесковыми маячками, расставленными по периметру, высился крупный плексигласовый купол с покрытием, экранирующим электромагнитное излучение. Он представлял собой современную модификацию клетки Фарадея. Внутри находились сообщающиеся между собой флоатинг-капсулы с интегрированной системой жизнеобеспечения, выстроенные по радиальному принципу и сходящиеся к центральной камере сенсорной депривации. Все они были изготовлены из электрохромного стекла, способного пропускать световые волны разной длины в зависимости от установленных настроек.

Данную информацию Алекс почерпнул в цифровом терминале, установленном на пюпитре перед панорамным окном. Сейчас на площадке копошились инженеры и техники Конторы, подготавливая капсулы и проверяя последние настройки перед очередным сеансом КОС.

– Видишь вон ту штуку по центру? – указала Банни. – В ней буду плавать я. Называется алтарь Никты.

– Насколько я помню из школьной программы по мировой литературе, от союза Гипноса и Никты появился Морфей – бог добрых сновидений. Так, по-моему, было в «Метаморфозах» Овидия. Ох уж мне эти аллюзии на древнегреческие мифы! У всех выдающихся ученых, похоже, какой-то комплекс, завязанный на сопричастность к великим средиземноморским цивилизациям старины.

– Скажите спасибо, молодой человек, что не на причастность к древним цивилизациям Южной Америки, – обронил проходивший мимо Стейнбек.

Гловер тоже оказался неподалеку. Он тихонько подкрался к собеседникам сзади и с грозным рычанием набросился на Банни, принявшись щекотать шутливо отбивающуюся и заливисто хохочущую девочку. Без видимых усилий подбросив ее пару раз в воздух, он водрузил ее на плечи и проговорил:

– Как по мне, все это отдает дешевым популизмом!

– Где будем располагаться мы? – спросил Вульф, бросив взгляд на «Гипнос».

– Психонавты расфасованы вон в тех банках, как соленые огурцы, которые, Алекс, так любят у тебя на родине.

– Они называются купели, дядя Артур! – вставила Банни.

– Купели или не купели, а главное, чтобы на склоне дня над нами поминальную песнь не пропели! – отрезал Гловер. – А посему на Вульфа мы уповаем.

От тени, отброшенной на противоположную стену смотровой площадки несущей колонной, отделился Беккер, доселе незаметный для собеседников, и пригласил их пройти в конференц-зал для брифинга.

– Идите. Я догоню, – отозвался Алекс и вновь уставился на «Гипнос».

Что-то надвигалось. Он чувствовал это. Многоликий монстр из прошлого протянул к нему ужасную длань прямиком из подсознания. Сотни расширенных

зрачков вспыхивали на краю поля зрения, стоило отвести взгляд в сторону. Воспоминания, вымаранные из памяти столь милосердным разумом, вновь расцветали перед его глазами яркими красками. Пейтон напомнил ему про нейровирусную атаку, и теперь это не выходило из его головы.

«Алекс…» – прохрипел во мраке голос Анны Галандер, заведующей отделением реабилитации военного госпиталя. С ней он периодически спал, коротая одинокие часы отгулов между длинными арктическими сменами. Она смотрела на него из отражения на стекле панорамного окна, искаженного болью и страхом, но лица его коснулась чужая рука. Грубая, мозолистая с обручальным кольцом на пальце. Культя на месте оторванного мизинца прочертила кровавую полосу на щеке.

– Алекс…

Вульф вздрогнул, услышав голос Орье, неторопливо шедшей в сторону конференц-зала рядом с хромающим Пейтоном.

– Если честно, я не уверена, что он справится.

Пейтона это ничуть не смутило:

– Не уверены? Мы сами выбрали его из сотни кандидатов, а теперь вы говорите мне, что в чем-то не уверены?

– Он пытается делать хорошую мину при плохой игре и напоминает мне изломанную куклу.

– Всегда испытывал патологическую тягу к сломанным вещам и собрал прекрасную коллекцию. Вы так не считаете?

Орье нахмурилась, а Пейтон продолжил:

– Довольно рефлексии, Жюли! Алекс Вульф идеально нам подходит, судя по результатам проведенных тестирований и анализу статистических показателей.

– У меня есть странное ощущение, что я искала не человека под определенные характеристики, а характеристики были подделаны так, чтобы найти конкретного человека.

Взгляд Пейтона оставался бесстрастным и абсолютно непроницаемым:

– Не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите. За годы совместной работы вам пора бы начать доверять мне.

– Ха! – только и произнесла Орье.

Они исчезли за поворотом коридора, и Алекс медленно двинулся следом, чтобы не быть уличенным в подслушивании. Когда Вульф добрался до конференц-зала, отряд психонавтов в полном составе уже находился там, рассевшись вокруг подковообразного стола. Все экраны и проекторы были погашены. В помещении царил интимный полумрак. Перед каждым членом группы стоял стакан с любимым напитком и герметичная коробочка с набором капсул.

– Отлично! Все в сборе! – произнес Пейтон, жестом приглашая Алекса занять отведенное ему место. – Брифинг будет коротким. Вы все прекрасно знаете, зачем мы здесь. От себя добавлю следующее. Сенатор Паттерсон вот уже несколько недель крутит мне яйца. Он долго и настойчиво продвигал наш проект к статусу государственной службы и вправе требовать ответных преференций. Пришло время вернуть должок. Его дочь с недавних пор страдает от генерализованного депрессивного расстройства личности. Мы должны успеть подготовить терапевтический сон и начать ее лечение до того, как сей неприятный факт станет достоянием инфосети.

– Боитесь суицидального психоза? – осведомился Гловер.

– М-да. Не хотелось бы. Психологический контакт с девочкой был утрачен. Осуществить принудительное психиатрическое лечение мы не в состоянии, не нарушив при этом действующего законодательства. Остается попробовать «Морфей». Однако ни одному отряду психонавтов еще не удалось добыть семя сна для терапевтического модуля, направленного на лечение депрессивного расстройства, из хостов, подготовленных для этой задачи. Поэтому сегодня мы собрали в кулак лучшие силы. На кону наша работа.

– Как все забавно у вас получается, – удивился Вульф. – Вы создаете лекарство в первую очередь для политической элиты, а уж в десятую – для мировой общественности?

– Ах, наивный мой Алекс! – поцокал языком Гловер. – Ты такой простак! Добрые сны не приходят к бедным девочкам. Только к тем, чьи родители способны оплатить мистеру Пейтону билет в высшую лигу.

Стейнбек смутился. Орье погрузилась в себя. Гловер ехидно улыбался в ожидании возражений. Один Беккер выглядел заинтересованным и впитывал в себя все детали беседы. Комиссар на допросе. Когда Вульф заприметил это, тот нацепил на себя очередную маску и растворился в образе.

– Зачем вы смеетесь над ним, дядя Артур? – спросила Банни, сидевшая подле Орье. – Он просто честный человек.

– На словах, – ответил Гловер. – А вот как обстоит на деле, нам еще предстоит выяснить.

Орье погладила девочку по щеке:

– Проблема честных людей, Банни, состоит в том, что всю свою жизнь они сражаются с ветряными мельницами собственных представлений о жизни. Это вечная борьба между тем, что диктуется внутренней логикой социума, и тем, что правильно. Но кто определяет само понятие правильности?

– Размышлять о подобных вещах в эпоху пандемии по меньшей мере безответственно, – ответил Пейтон. – Вы не вчера родились и знаете, как устроен этот мир. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы остановить распространение эпидемии. Любой ценой. Пришло время доказать свою профессиональную состоятельность.

Глава 6. Погружение

Из конференц-зала Вульфа увел молодой дородный японец, сперва убедившись, что тот проглотил все до последней капсулы из герметичной коробочки с логотипом фармацевтической компании на крышке – красным на белом фоне мерным черпаком с обвивающейся вокруг ручки змеей.

– Ничто так не бодрит поутру, как порция первоклассных энтеогенов! – хохотнул он. Лицо его было изрыто оспинами, как поверхность Луны кратерами. – Я старший инженер-нейрофизиолог в команде по обслуживанию вашей купели, Алекс-сэмпай. В паспорте написано Хадзиме Ямагути, но друзья зовут меня Хиросима. Да не бледнейте вы так. Я не обижаюсь! Японцы сами те еще расисты и ксенофобы. Островное государство как-никак. Спросите хоть у тех же британцев. Они не дадут соврать. Если вам будет проще, то я откликаюсь и на простое Сима-кун.

– Как скажешь, Сима-кун! Какая программа у нас намечена на сегодня?

– О! Не волнуйтесь. Вам понравится. Пока ваш мозг начинает медленно размякать под маринадом из психоделиков, мы сделаем вам бесплатную лазерную эпиляцию всего тела, прочистим кишечник и возьмем все необходимые анализы. Затем упакуем в амниотический костюм, а после приступим к подключению к купели и плавному погружению в КОС. Как вам такое, а?

– Эпиляция-то зачем?

– Забавно, что вас не удивила история с кишечником, – хмыкнул Ямагути. – Алекс-сэмпай, я хоть и маленький, но руководитель, и должен заботиться о небольшой группе подчиненных, а выскребать вашу шерсть по завершении сеанса КОС из амниотических костюмов – задача не из приятных, знаете ли. Особенно после Гловера. Из его рыжего мха можно плести амулеты и выдавать за монгольские обереги, сделанные из конского волоса. Я сам, конечно, не видел, но ребята жаловались. Что же до Жюли-сан. О-о-о! Хотел бы я поработать с ее купелью…

Подготовка к погружению не заняла много времени. Команда Ямагути работала слажено и споро. В результате на теле Вульфа кроме головы не осталось ни единого волоска – пластиковая кукла, а не живой человек. Его желудок, кишечник и мочевой пузырь были очищены и пусты. Чтобы упаковаться в амниотический костюм, пришлось изрядно подвигаться. Из-за этого энтеогены

стали усиленно распространяться током крови по организму. Вульфа накрывало медленно и неотвратимо будто приливной волной. Начали мерещиться странные звуки, доносившиеся из коридора. Стон десятков разных голосов, сплетавшихся в едином хоре бессловесной боли. Шорох поступи гигантской сороконожки. Когда Ямагути коснулся предплечья Вульфа, чтобы поправить костюм, к его руке присоединились обезображенные конечности из прошлого. Они бесцеремонно хватали Алекса, впиваясь пальцами в податливую плоть, растягивали и сплющивали, играя безвольным телом, как марионеткой, подвешенной за ниточки.

– Вы в порядке? – Ямагути похлопал его по щекам. – Не отрубайтесь. Потерпите еще минут десять, пока не уляжемся в купель. Следите за моим пальцем. Вот, молодец!

Вульф не без труда собрал мысли в кучу и встряхнулся. Руки пропали.

– Вот и результаты анализов подоспели, – продолжал меж тем Ямагути, просматривая данные со своего инфопада. – Здоровье у вас как у быка, а вот печень подкачала.

– Немудрено. Я несколько месяцев плотно сидел на нейрофине, когда программа психологической реабилитации провалилась, не сумев помочь тем немногим, кто пережил нейровирусную атаку, – Алекс вспомнил острое покалывание в глазах от бесчисленных инъекций офтальмологическим шприцем и приятное жжение, растекавшееся от зрительного нерва по всей черепной коробке. Когда из руки вываливался шприц, она непроизвольно нашаривала рукоятку заряженного пистолета. Сколько раз он примерялся, чтобы нажать на спусковой крючок?

– Соскочили с нейрофина? Да у вас стальные яйца!

– Ага, – год, проведенный в армейской психушке, после того как он в одних трусах бегал по улице за прохожими с пистолетом, умоляя пристрелить его, был вымаран из биографии Алекса родными спецслужбами. Такой системный позор принято прятать столь же тщательно, как подросток прячет в своей комнате любимый носок для дрочки.

– Ну а в остальном полный порядок!

Алекс оказался обтянутым с головы до пят в облегающую бежевую резиноподобную ткань, пронизанную сотней датчиков и разъемов. Непокрытыми оставались глаза, уши, носогубный треугольник и несколько точек на волосистой части головы.

– Из чего сделан этот костюм? Похож на водолазный, но материал какой-то странный.

– Вы брезгливый?

Вульф отрицательно помотал головой.

– Это кишки генно-модифицированных свинок с экспериментальной фермы при лабораториях ГСПМ. Они необходимы, чтобы создать оптимальные физиологические условия для биоэлектрической проводимости между гелем Роуча, заполняющим купель, и вашим телом.

– А эти прорези на лице и голове?

– Вокруг рта и носа – для дыхательной маски. На голове, глазах и ушах – для венца Домбровского.

– Домбровский и Роуч, никогда о таких не слышал.

– Патенты на их изобретения до сих пор засекречены. После покупки контрольного пакета акций «Сновидений Инк» спецслужбы СГА постарались на этом поприще, чтобы не допустить утечки государственных активов. Это были гении нейробиологической инженерии. Стояли у истоков компании вместе с мистером Пейтоном.

– Почему были?

Затылок Вульфа обдало мятным табачным дымом – непременным спутником директора, видимо, никогда не выпускавшим электронную сигарету изо рта.

– Потому что, Алекс, век гениев, как правило, ярок, но скоротечен. Они выжимают себя до последней капли во имя дела всей своей жизни, но и от

жизни берут все, что пожелают. Aliis inserviendo consumor.

– Светя другим, сгораю сам, – перевел Вульф. – Самоотверженно.

В комнату вошли Орье и Гловер, полностью облаченные для погружения.

– Сновидицу уже разместили на алтарь Никты, – отрапортовала Орье. – Хост загружается в систему «Гипноса». Комиссара тоже подключили. Многочисленные личности Беккера протестируют хост на глубокой стадии на наличие опасных бессознательных реакций. Стейнбек контролирует процесс с приборов и погрузится вместе с нами.

– Пора начинать, – сказал Пейтон.

Он стал спускаться к куполу «Гипноса», а Орье последовала за ним. Трое мужчин проводили ее долгим взглядом.

– О-о-о, Жюли-сан… – протянул Ямагути.

Гловер расхохотался и хлопнул его по плечу:

– Отличная фантазия для вечерней мануальной терапии! Верно, Хиросима?

Вульф с усмешкой уставился на пах Гловера.

– Не смотри на меня так саркастично, – парировал тот. – У меня от волнения или стресса всегда небольшая эрекция, уж так я устроен, – он тоже заспешил вниз по лестнице.

– Идемте, Алекс-сэмпай. Я провожу вас к нужной купели.

Вульф едва поспевал за Ямагути. Для такого крупного малого тот был невероятно проворен. Он, как ледокол сквозь торосы, провел его через аппаратный зал под купол «Гипноса». Внутри было свежо и комфортно. Приточно-вытяжная вентиляция в полу работала на полную катушку, создавая приятные условия для пребывания и долгой напряженной работы. Хотелось дышать полной грудью, вопреки тому что они находились глубоко под землей.

Атмосфера навевала воспоминания о далеком детстве и раннем утре на реке со спиннингом наперевес.

Купель Вульфа располагалась на самой границе купола и, судя по всему, была установлена совсем недавно. Прозрачное яйцо из электрохромного стекла пестрело показаниями приборов и датчиков и было оплетено многочисленными кабелями, походя на клубок змей, решивших в полдень погреться на солнце. Крышка была откинута, и Алекс, следуя распоряжениям Ямагути, забрался внутрь пустой капсулы по приставной лестнице. Залезая, он бросил взгляд на алтарь Никты. Активированная камера сенсорной депривации становилась непроницаемой для глаз стороннего наблюдателя. Внутри он мог разглядеть смутный силуэт девочки, парившей точно в невесомости. Дыхательные трубки и провода, отходившие от амниотического костюма, делали ее похожей на муху, застрявшую в паутине.

Забравшегося в купель Вульфа окружили две медсестры. Они ловко обклеили его костюм датчиками, а в промежуточные вены локтей поставили капельницы.

– Чем вы будете накачивать меня в этот раз? – спросил Вульф.

– Стандартный коктейль из глюкозы с физраствором, – ответила одна.

– А еще энтеогены попеременно с седативами для контроля глубины сна, чтобы психонавт не соскочил, – добавила другая.

Они напоминали сестер-близнецов, что на секунду ввело Алекса в легкий ступор, но через мгновение он понял, что всему виной униформа и одинаковые прически. Сменивший их Ямагути сердобольно проверил все проводки и капельницы, удовлетворенно хмыкнув. Он дал Вульфу немного подышать кислородом из дыхательной маски. Когда Алекс пообвык, Ямагути закрепил ее на лице. Затем он водрузил ему на голову приспособление, состоявшее из магнитных пластин, датчиков электроэнцефалографа, наушников, внедрившихся глубоко в ушные проходы, и прозрачных линз дополненной реальности на тончайших проводках, ничуть не мешавших смыкать веки. Ямагути вопросительно поднял большие пальцы вверх и, получив утвердительный ответ, бережно уложил Алекса на дно купели. Захлопнув крышку, он неуклюже соскочил вниз и нацепил беспроводную гарнитуру. Нейрофизиолог легонько постучал по микрофону указательным пальцем. Алекс ощутил безболезненные хлопки по барабанным перепонкам.

– Раз, два, три. Слышите меня?

Вульф поднял ладонь и соединил большой и указательный палец в кольцо.

– Вот и чудно! Сейчас весь обслуживающий персонал покинет купол «Гипноса», и мы начнем погружение.

Через прозрачную стенку купели Вульф видел, как Ямагути, в последний раз бросив взгляд на показания приборов, вместе с остальными зашагал к выходу, где уже мерцали короткими желтыми вспышками сигнальные проблесковые маячки.

– Только послушайте! Я разработал новую методику по снятию стресса. Сейчас проверим, работает ли она. Искусство сложения оригами из листочка, придавленного пресс-папье. Так я ее назову! Пока я иду до своего рабочего места, вкратце поясню, в чем состоит задача всей этой мудреной инженерной конструкции, в которую вас поместили как пойманную птичку в клетку, чтобы вы не терзались пространными размышлениями, попусту накручивая себя, поскольку уверен на сто процентов, что за всей этой спешкой и суетой никто не удосужился ввести вас в курс дела. Судя по пульсу и артериальному давлению, вам это необходимо, – Ямагути и сам пыхтел как паровоз, но избыточное чувство ответственности не позволяло ему отдышаться. – Купель создает у психонавта сенсорную депривацию и вводит в состояние медикаментозного сна. Приборы считывают электрическую активность мозга, его ритмы и синхронизируют с ритмами мозга сновидца путем электромагнитной, нейрохимической, фото и аудио стимуляции или супрессии. Гель Роуча, синтетический биоэлектролит, объединяет все купели и алтарь Никты в единую биоэнергетическую систему. Когда система входит в состояние гомеостаза, а ритмы мозга участников резонируют друг с другом, сознания психонавтов и хост образуют единую информационную сеть. Возникает феномен коллективного осознанного сновидения.

Ямагути шумно выдохнул и смолк на несколько мгновений. Кряхтя и отфыркиваясь, он устроился на рабочем месте, быстро пробежавшись пальцами по управляющим консолям.

– Ну вот! Моя методика только что доказала свою эффективность. Если нагрузить индивида, находящегося в обстановке экстремальных факторов

стресса, бессмысленной в данный момент времени абстрактной когнитивной задачей, уровень стресса снизится пропорционально полученной нагрузке. Правда, высока вероятность того, что ты просто будешь послан куда подальше, поэтому для чистоты эксперимента невероятно важно, чтобы испытуемый не мог говорить. Или запустить в тебя чем-нибудь. Или ударить. Думаю, в выходные начну писать диссертацию на данную тему, – напоследок он сказал: – Начинаем погружение. Удачи, Алекс-сэмпай, и добрых снов! Увидимся новым утром.

Прозрачные стенки купели покрылись хромированной пленкой, словно капсулу накрыло грязной волной. Матово-серая пелена медленно полиняла до кристально-белой бесконечности под аккомпанемент успокаивающего эмбиента, нежно ласкавшего слуховые нейроны. Вульф остался наедине с собой посреди ледяной пустыни без конца и начала. Камера заполнялась прозрачным вязким гелем, сначала оторвав Алекса от дна, поднимая все выше и выше, прижав к незримому потолку и, наконец, укрыв с головой, как теплым одеялом в прохладную зимнюю ночь. Он утратил все видимые и сенсорные ориентиры. Гравитация больше не имела здесь власти. Вульф поплыл на волнах расслабляющей невесомости. Сладкая дрема растекалась по клеткам его тела вместе с ударами сердца. Он растворялся в пространстве внутренней свободы.

Тревожные шорохи на границе сознания дали понять, что что-то пошло не так. Тягучий холодный страх сдавил тисками его внутренности. Вульф слышал далекие тихие стоны, всхлипы и протяжные истошные крики десятков человеческих существ, утративших свою самость. Изуродованные конечности принялись колотить снаружи по стенкам купели, оставляя черные маслянистые отпечатки на белоснежной скатерти его умиротворения. Безжалостные руки разорвали занавес, выпуская на сцену терапевтического спектакля прогорклое и жгучее ничто вместе с мириадами спаянных лиц, корчившихся в агонии жестокого осознания своей судьбы.

Он тонул в этой имманентной боли.

Глава 7. Раковина

Осознание того, что он находится в своей комнате, пришло не сразу. Чистота восприятия будто подернулась легкой дымкой. Все вокруг было укрыто зыбким

предрассветным туманом. Очертания окружения проступали постепенно, неторопливо переходя от предварительного скетча к полноценному художественному полотну. Любая попытка сосредоточиться оборачивалась полным провалом. Мысли разбегались как мыши в кладовке от включенного фонаря.

Он понуро сидел на любимом продавленном диване с обивкой, прожженной в нескольких местах оброненным сигаретным пеплом. Рядом на журнальном столике, заляпанном бензиновыми пятнами пролитого дешевого пива и усыпанном разномастными крошками недоеденных полуфабрикатов, валялся офтальмологический шприц с пустой карпулой.

Дом, милый дом.

Он натолкнулся взглядом на старую голографию родителей, с укоризной взиравших на него с запыленной книжной полки, и вновь задумался над тем, сколь многим эти люди пожертвовали, дабы вырастить и воспитать его, выучить и вывести в люди. Целая жизнь, принесенная в жертву ради его жизни. Насколько в них был силен генетический инстинкт продолжения потомства, задушивший в зародыше все вышестоящие ступени пирамиды потребностей Маслоу?

Все ухищрения матушки-природы вкупе с каторжными трудами стариков пропали втуне, когда за дело взялось государство. Ему вместе с немногими прочими посчастливилось пережить нейровирусную атаку. После прохождения карантина, бесчисленных диагностических процедур и наспех собранного на коленке комплекса реабилитационных мероприятий Вульфа уволили в запас из медицинской службы вооруженных сил и вернули домой. Несмотря на положительный эпикриз при выписке, Алекс чувствовал, что с ним что-то не так. В его сердце поселилась пустота, которую он пытался заполнить работой. Стол, пара стульев и бесконечные разговоры, казалось бы, что может быть проще, но задача оказалась для него непосильной. Фобии и расстройства пациентов запускали цепкие искореженные пальцы в его душу. Синдромы взирали на него из темных уголков их разумов десятками пар глаз. Алекс видел, что пациенты приходят к нему на прием не за покаянием, а за индульгенцией. Разговоров о собственной боли они страшились как чего-то богомерзкого и постыдного, требуя от доктора, которому платят, лишь одного – волшебного исцеления, что подается к завтраку услужливым официантом как кофе на блюдечке. Никакой работы мысли и напряжения души. Это было чересчур сложным. Полное

беззаботное выздоровление за соразмерную плату. Таково было их требование, и все же разум – это не прическа, ногти или обвисший живот. Его не подстричь, не покрасить, не подтянуть. В их умах и сердцах жили драконы. Они были старыми, алчными и полными злобы. Они не терпели пререканий, и каждая монетка, заплаченная за видимость лечения, была подношением к алтарю этих древних хищных змеев. В конце концов Алекс дрогнул под их гнетом, и его разум стал подтачивать червь сомнений. Психика Вульфа, наспех склеенная после Арктики, не выдержала бессмысленной серости и беспросветной глупости рабочей рутины. Он стал ментально искалеченным убожеством, негодным даже для простой врачебной работы психологом в частной практике. Как славно, что старики не дожили до того момента, когда он трясущимися руками стал колоться нейрофином, хотя бессмысленные жертвы ломают лишь тех, ради кого они принесены. Агнцы же априори сияют верой абсолютной решимости, пусть их и тащит на алтарь хомут нейрохимических реакций и незримая длань коллективного бессознательного.

Алекс поднялся с насиженного места, скрипнув пружинами дивана, и прошел к зеркалу в ванной комнате. Это и вправду был он, образца нейрофиновой зависимости. Растянутый свитер. Свалявшиеся колтуном давно немытые волосы. Многодневная и жесткая, как обувная щетка, щетина. Бесчисленные комариные укусы с точечными кровоизлияниями от иглы офтальмологического шприца на белках глаз. Чувство безнадежной обреченности, застывшее на тонких губах с опущенными уголками.

«Это сон или, напротив, вся история с работой в государственной службе психологического мониторинга была горячечной фантазией посреди очередного прихода? Я так и не сдвинулся с места. Просто рехнулся. Дал тоске, боли и страху сломить себя».

Где-то в глубине комнаты на экране инфопанели, постоянно включенной, чтобы отогнать липкое и щемящее чувство одиночества, сработал оповещающий сигнал о новом доставленном электронном письме. Алекс вернулся в комнату и взмахнул рукой перед сенсорным датчиком, открывая почту. В сообщении подтверждалась заинтересованность в его кандидатуре на должность психотерапевта. Отправителем числилась зарубежная компания «Сновидения Инк», послужившая несколько лет назад фундаментом для организации государственной службы психологического мониторинга в структуре здравоохранения СГА. В конце письма он обнаружил с десяток прикрепленных ссылок на онлайн-тестирования и солидный перечень анализов, которые ему

необходимо было сдать, чтобы перейти на следующую стадию отбора рекрутов.

От сухого ответа на его запрос, сделанный в порыве глубочайшего отчаяния и напоминавший письмо в бутылке от потерпевшего кораблекрушение на необитаемом острове, в душе зародилась робкая надежда на лучшее. Однако просвет в тучах оказался вспышкой молнии. Алекс чувствовал диссонанс в воспоминаниях. Не то время и место. В реальности все было иначе.

Перед ним разверзлось черной дырой бездонное дуло пистолета. Он наставил ствол с взведенным курком прямо на глазное яблоко. Большой палец правой руки нервно скользил на спусковом крючке. Алекс вновь был готов покончить с собой, но теперь куда менее приятным способом.

Пистолет нежно прошептал ему:

– Кто сказал, что истовый гедонизм не лучший способ самоубийства?

Он расположился в плетеном кресле посреди своей комнаты, но уже в другой квартире. Его приятели говорили, что она может служить выставочным стендом в крупном мебельном магазине. Стандартные решения. Никакой изюминки. Словно здесь никто не живет, а скорее имитирует жизнь, больше похожую на иммерсивную симуляцию. Так и было. После длительного пребывания в армейском психиатрическом диспансере, увенчавшего его антисоциальный марафон случаем с неконтролируемым агрессивным эксгибиционистским поведением по отношению к согражданам и последовавшим вооруженным нападением на оных (врачи называли это просто «эпизод», не углубляясь в детали), он честно пытался собрать жизнь, расколотую на куски. Ходил в группы поддержки, организованные благотворительными фондами под патронажем вооруженных сил. Помогал в реабилитации ветеранов с посттравматическим стрессовым расстройством. Посвятил благому начинанию все время, силы и знания, полученные в медицинском университете до мобилизации офицеров запаса. Но тщетно! Зияющая пустота не желала рубцеваться. Обозначилась явственная необходимость в государственной поддержке по многим аспектам социальной жизни. Нечто большее, чем пара вечеров в месяц, на которых выгоревшие дотла, опустошенные люди пытались раздуть друг в друге последние тлеющие искры интереса к физическому существованию. Многие на его памяти накладывали на себя руки. Выходили из дверей реабилитационных центров, чтобы никогда больше не вернуться. Казалось, что всем вокруг наплевать. Политиков и прочих функционеров издревле интересовало одно

преумножение власти и контроль безграничных финансовых потоков, но никак не служение народу. Какое им было дело до горстки ментальных калек, брошенных их же рукой в мясорубку борьбы за сферы влияния, если только участие в их жалких судьбах благоприятно не скажется на реноме? Выхода не нашлось, и рана вновь принялась кровоточить.

Инфопанель призывно звякнула оповещением о новом доставленном письме. Отправитель – «Сновидения Инк». Его кандидатура одобрена.

Пистолет с гулким стуком упал на пол. Алексу пришло на ум воспоминание из детства: крепкая рука брата, вытащившего его из реки, когда он чуть было не утонул, едва научившись плавать.

«Почему ты не барахтался? – спросил он тогда. – Почему не звал на помощь?»

Алекс всю жизнь шел на дно молча, гордо и с достоинством. Подвернувшаяся вакансия стала для него якорем, не позволившим жизненному шторму унести его в открытое море. Навязчивые фантазии о загадочной и будоражащей разум работе мечты далеко за океаном вернули ему интерес к жизни.

«Якорь».

Слово что-то значило, но он толком не мог вспомнить, что именно. Мысль ускользала, но Алекс вот-вот был готов нагнать ее.

Резкий хлопок взрыва тараном врезался в оконное стекло. Ударная волна отбросила Вульфа на пол, засыпав всю комнату осколками и обрывками портьер. Тонкий комариный писк, застрявший в ушах, поразительным образом контрастировал с наступившей звенящей тишиной. Он с трудом поднялся на ноги и стал осторожно пробираться к зияющей дыре, оставшейся на месте окна, стараясь не наступить на битое стекло.

Выглянув наружу, Алекс не обнаружил никаких видимых повреждений и следов взрыва. Подворотня была пуста и безжизненна. На улице горело тусклым светом несколько фонарей. К его дому была приторочена толстая цепь, уходившая многочисленными звеньями в непроглядную темноту. Небольшой магазин на углу был закрыт на ночь, хотя над входом призывно помаргивала кислотная вывеска «24 часа». Окна дома напротив глядели на него слепыми

занавешенными глазницами. Лишь одно из них сияло ярким болезненным огнем. В проеме он разглядел Жюли Орье. Она стояла посреди больничной палаты и пристально, как в зеркало, всматривалась в окно. Проводя руками по плавным изгибам своего тела, вертясь и так и эдак и ероша волосы в различных вариациях причесок, Жюли казалась самой обычной девушкой, сбросившей маску ученого-трудоголика и требовательного менеджера. В эти мгновения она выглядела свободной от тягот незримой многолетней ноши и расцветала буквально на глазах. Когда из глубины палаты раздался сигнал вызова от пациента, все вернулось на круги своя. С укоризной посмотрев на свое отражение, она разочарованно улыбнулась и понуро побрела прочь, скрывшись из виду.

– Жюли! – крикнул Вульф, но надсадный призыв натолкнулся на плотную незримую мембрану, поглотившую звук его голоса. Все равно что орать в вакууме.

Мерзкий и протяжный скрежет дверного звонка заставил Алекса вздрогнуть. От неожиданности он отпрянул от окна, потерял равновесие и наступил босой ногой прямо на груду осколков. Боль была странной. Медленно нарастающая тяжесть в мышцах ноги, а затем спазм. Он потянул мышцы насколько смог, и боль неторопливо отступила, оставив при движении легкую скованность. Отряхнув ступню от осколков, Вульф не заметил ни единого пореза. Звонок повторился, и он, уже без особого страха перескакивая через битое стекло, ринулся к двери. Пара поворотов замка, и рука привычно потянула дверь на себя, обнаружив за ней потрескавшуюся стену из красного кирпича. Никаких просветов или щелей. Алекс поковырял ногтем цементный шов. Тот слегка раскрошился, но не более. Свежим он не выглядел точно. Кто-то на другой стороне зажал кнопку, и душераздирающее дребезжание заполнило всю комнату.

Вульф принялся бить по стене кулаком и ногами.

– Эй! Я здесь! – крикнул он.

Никакой ответной реакции. Наконец звон стих, и Алекс обессиленно сполз по стене на пол.

– Что за херня тут творится?

Незнакомец позвонил еще несколько раз. Не выдержав, Вульф достал из кладовки швабру и принялся колотить по динамику дверного звонка, висевшему над входом. Он успокоился, когда разбитая серая коробочка упала к его ногам. Звонить после этого она не перестала. В сердцах Вульф захлопнул входную дверь, вдавив динамик в кирпичную стену. Тяжело дыша, он отбросил швабру в сторону и заметил нечто весьма странное. Через дверной глазок в комнату пробивался тонкий лучик света. Заглянув в него, Алекс разглядел плохо освещенный подъезд и Артура Гловера, одетого в строительную спецовку. Он смотрел по сторонам и задумчиво почесывал затылок.

Вульф прислонил губы к замочной скважине и прокричал:

– Гловер, я не могу выбраться из этой чертовой комнаты!

Когда Алекс снова посмотрел в глазок, Гловер настороженно прислушивался, буквально прилипнув к двери ухом.

– Вульф? – спросил он голосом из телефонной трубки при слабом сигнале связи. – Это ты?

– Да!

Гловер принялся методично простукивать дверь, а Алекс отвечал ему как мог, но, похоже, тот его не слышал. Вульф заметался по комнате. Нужно было каким-то образом подать знак. Его взгляд наткнулся на пистолет, валявшийся на полу рядом с плетеным креслом. Он подхватил его, передернул затвор, отправив патрон из обоймы в ствол, и взвел курок. Алекс поднес пистолет к двери, прицелился в потолок и выстрелил. Уши заложило от грохота, а от пороховых газов стало першить в горле. Он сплюнул горечь, скопившуюся на языке, и вновь припал к глазку.

Гловер, пригнувшись, сидел у стены напротив и тревожно озирался по сторонам.

– Алекс, ну ты и сволочь так пугать! Если слышишь или видишь меня, отойди в сторону. Я попробую вскрыть раковину, отделяющую сознательное от бессознательного, и выпустить жемчужину эго твоей личности в КОС.

Он достал из набора подручных инструментов раскладную кувалду и стал примеряться, чтобы сделать пробный удар. Вульф открыл дверь со своей стороны и сделал шаг назад. Раздался глухой отдаленный стук, но больше ничего не произошло. Одиночные удары о стену перешли в равномерную монотонную дробь, растянувшуюся на долгие и напряженные минуты ожидания. Ни один кирпичик не сдвинулся с места за все это время. Вульф заметил, что крупный цементный шов слегка раскрошился на уровне живота. Алекс торопливо очистил образовавшуюся трещину от стылого раствора и заглянул в получившуюся толщиной с ладонь щель. Где-то далеко на другом конце кладки он увидел глаз Гловера, пытавшегося хоть что-то рассмотреть.

Заметив Алекса, Гловер принялся ворчать, но слышно его было с огромным трудом:

– Черт возьми, ну ты и броненосец! Знал бы заранее, с пользой потратили бы прошлую ночь на марафон по пабам округи. Хоть немного растопили бы лед, а так бестоляк! Попытайся выбраться через соседнюю квартиру. Ту, что справа, – он указал пальцем направление. – Там в пещере бессознательного скопилась целая кунсткамера твоих заскорузлых комплексов, но я смог проделать брешь, а здесь мне никак не пробиться. Уйдет уйма времени. Пойдем навстречу друг другу. Жду тебя, парень!

Он подхватил ящик с инструментами и скрылся из поля зрения.

Вернув пистолет на предохранитель, Вульф сунул его за пазуху и пошел обратно к окну. Другого способа выбраться из комнаты он не видел. Перекинув ноги через подоконник, Алекс уперся ступнями в узкий парапет, протянувшийся по внешней стене дома между этажами. Он посмотрел в направлении, указанном ему Гловером. До окна соседней квартиры было чертовски далеко. Тринадцатый этаж также не добавлял энтузиазма в подобном перемещении, зато немного радовал полный штиль.

Когда Алекс приготовился сделать первый шаг, ему бросилось в глаза то, с чем он подсознательно боялся столкнуться. Толстая цепь была оборвана. Гротескная тень возникла на стене соседнего дома. Она росла и искажалась. Все повторялось, как тогда в Арктике. Сонм хаотично переплетенных туловищ, рук, ног и голов. Гигантская сороконожка из человеческих останков выползала из тьмы. Она медленно продвигалась, судорожно подергиваясь и извиваясь в кататоническом танце. Вульф, оцепенев от страха, ввалился обратно в комнату.

Защита знакомых стен оказалась иллюзией. Внутри его ожидало не меньшее потрясение. На разложенном диване, застеленном армейским бельевым комплектом, в живописной позе возлежала Анна Галандер, едва прикрыв наготу простыней.

– Ты опоздал! – возмутилась она.

– Не надо, – прошептал Алекс. – Не сейчас.

– Где ты был, пока я медленно подыхала в твоей конуре?

– Пытался спасти солдат и персонал госпиталя.

– Так тебе хотелось бы думать. Я прождала всю ночь, пока ты был на смене в стерильной зоне, и уснула, а очнулась уже от воя сирен, не в силах пошевелиться и даже пискнуть. Знаешь, каково это – с ужасом ловить каждый вдох, боясь, что он последний? Когда безмолвно вопящий рассудок заключен в разваливающуюся тюрьму из плоти?

– Прекрати!

– Нет! Конечно, ты не знаешь. Ты спрятался в хирургическом корпусе и даже не вспомнил обо мне. Хочешь услышать, что было потом? Это самое интересное! Пришли эти черноглазые ублюдки и выпотрошили меня как свинью. Да! Они не дали мне умереть так просто. Ты помнишь это. Верно?

Вульф зажмурился, обхватив голову руками, но грубые мужские ладони повернули его лицо к окну. Обнаженное туловище с головой Анны было вплетено в мозаику из солдат и других сотрудников армейского госпиталя вперемешку с биоботами, поддерживавшими жизнь в этом противоестественном создании при помощи встроенных автономных систем жизнеобеспечения. Их плоть, сосуды и нервы стали единым целым. О разуме лучше было не думать вовсе.

– Знаешь, что я почувствовала, осознав себя в таком состоянии?

Ее красивое и нежное лицо исказилось гримасой ужаса и отчаяния. Светло-голубые глаза налились багрянцем безумия, а губы мелко задрожали. Рот раскрылся, а глотка издала такой истошный и полный страха вопль, что Алекс отшатнулся, вырвавшись из цепких рук, и, выхватив пистолет, выпустил в монстра всю обойму до последнего патрона. Тварь рухнула вниз, но Вульф не стал проверять, жива ли она. Полуночные монстры, порожденные кошмарами, никогда не погибают.

«Это сон! – родилась пространная мысль. – Мне надо проснуться, и все закончится».

Внезапно Вульф потерял контроль над собственной моторикой. Он проваливался в тягучую бесконечность без возможности уцепиться за что-то стабильное. Алекс взмок, но оказалось, что это вовсе не пот. Все его тело было покрыто прозрачной вязкой субстанцией. На короткое мгновение между взмахами век перед глазами промелькнула белая пустыня без конца и начала. Затем навалилось тягостное сонное отупение, и Алекс вновь пришел в себя посреди комнаты, стоя коленями на битом стекле.

Игрушечный розовый кролик с одним ухом и глазом пуговицей валялся на кровати там, где лежала Анна. От прикосновения Вульфа он ожил, спрыгнул на пол и принялся барабанить по журнальному столику, призывая Алекса следовать за собой. Вульф пошел за ним, периодически оглядываясь на разверстую пасть выбитого окна. Кролик проскакал в ванную комнату, и через секунду Алекс услышал звучный всплеск воды в туалете.

Вульф посмотрел на отражение в зеркале. Двойник бросил взгляд на унитаз и сказал:

– Мы оба прекрасно знаем, что ты был рожден для этого!

Глава 8. Ама

Вульф вынырнул из воды, судорожно хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Откашлявшись и отплевавшись, он огляделся. Алекс

оказался на середине карстового озера, запрятанного глубоко в пещере, испещренной сталактитами и сталагмитами. Единственным источником света был солнечный водопад, ниспадавший через узкую воронку, пробитую в своде пещеры. Он отбрасывал мириады бликов на гладь озера и погружал огромное гулкое пространство, наполненное зловещей капелью, в полумрак, сотканный из теней и смутных силуэтов.

Вульф поплыл к едва различимому берегу. Сперва он заметил пляшущее в темноте пятно света. Светлячка в ночи. Затем услышал невнятное басовитое бормотание. Когда глаза немного привыкли к окружавшему его сумраку, Вульф увидел человеческую фигуру с налобным фонарем на голове.

– На этот раз ты вляпался по полной программе, братец! – услышал Вульф грубоватый женский голос, шедший из темноты.

– И не из таких передряг выбирались, Лин, – парировал Гловер. – Ты знаешь.

– Конечно, но даже если ты выпутаешься и останешься в здравом уме, как собираешься передать в бюро информацию?

– Не знаю. Пока. Дождусь подходящего момента. Он настанет. Нужно набраться терпения.

– Надеюсь, ты не рехнешься, дожидаясь момента. Ты стал одержимым.

– Я не дам повториться тому, что произошло. Ни с кем. Никогда.

– Посчастливилось же папаше работать на той проклятой фабрике…

– Вопрос случая. Были, есть и будут другие. Пока общество проповедует терпимость, мир тонет в беззаконии. Я обязательно докопаюсь до правды. Мы прижмем к ногтю этих жирных корпоративных свиней.

– Дурак, ты забываешься! «Сновидения Инк» не простая корпорация. Это государственная служба, как и бюро.

– Мы служим обществу, а не государству. Каждое государство лишь ширма, чтобы творить любое зло, прикрываясь патриотизмом, долгом, борьбой за безопасность и равноправие. Принципы те же, что и у корпораций. Разница только в иллюзии общественного контроля. Потому мы здесь. Превращаем иллюзию в реальность.

Вульф от неожиданности громко шлепнул руками по воде, внезапно натолкнувшись ступней на поросшее илом дно. Луч фонаря метнулся к нему, и он прикрыл глаза ладонью от слепящего света, продолжив аккуратно выбираться на берег.

– Вульф? – удивился Гловер. – Я думал, ты свалишься с потолка.

– Обстоятельства сложились иначе. Пришлось пойти напрямик.

Гловер спустился по острым, как бритва, камням, подал ему руку и помог выбраться из воды.

– С кем ты разговаривал?

– Со своей почившей сестрицей, – он нежно погладил медальон с памятной голографией, свисавшей с его бычьей шеи. – Мы все тащим в КОС избранное говно из своих голов, Алекс. Судя по этой пещере, ты и сам не святой.

Вульф огляделся. Известняковые образования, наполнявшие пещеру, отражали окаменевшие сценки из далекого прошлого, которые Алекс скрыл в глубинах подсознания и предпочел бы не вспоминать никогда. Мальчик, спрятавший оброненный богатой одноклассницей инфопад самой последней модели. Первая проба пера в бездумной мастурбации с терпкой ноткой вуайеризма при виде оформившихся старшеклассниц, загоравших на берегу озера. Позорное бегство с поля боя мальчишеских банд. Брошенный прямо посреди городских улиц в состоянии глубокого наркотического прихода университетский товарищ, перебравший с химией. Колонна сталагната, подпиравшая своды пещеры и состоявшая из слепленных как попало останков работников армейского госпиталя. Одинокая фигура, сидевшая посреди пустой комнаты с пистолетом в руке.

Вдоволь насмотревшись на гротескные каменные изваяния, от вида которых на душе сделалось до невозможности тошно, Алекс предпочел сменить тему разговора.

– Во что ты ввязался, Артур? О чем беспокоилась твоя сестра?

– Мы все ввязались, Алекс. Мы все завязли по самые помидоры. В последние недели психонавтов пачками свозят в конторский дурдом на пятом этаже. Пейтону позарез нужно создать треклятый терапевтический модуль для лечения депрессивного расстройства. То, что он самолично поперся с нами в КОС, говорит о многом. Он поставил все на зеро. Директор предпочтет сгинуть вместе с нами в пучине безумия, чем бессильно наблюдать со стороны крушение своих долбаных планов.

– Если все настолько серьезно, что заставляет тебя рисковать?

– Кругленькая сумма, падающая на банковский счет по завершении каждого сеанса. У меня, знаешь ли, есть некоторые обязательства в жизни.

– Прочими резонами не поделишься?

– Нет! – осклабился Гловер. – Пожалуй, не сегодня. Сперва надо присмотреться к тебе. Зачем во все это полез?

– Искал хоть какой-нибудь повод жить дальше.

Гловер сплюнул под ноги:

– Больной ублюдок! Неужели я свалял дурака, решив первой вытащить жемчужину твоего эго из раковины сознательного? Хотя, чего греха таить, так приказал директор. Он сказал, что с якорем я не провалюсь в глубины хоста. В последний раз еле добрался до Орье. Застрял надолго. Потом месяц не мог спать без лекарств, а днем по десять раз бил себя по щекам, чтобы осознать реальность происходящего. Постгипнотическая фуга. Так они это называют. В любом случае без шерпы мы не найдем дороги к другим психонавтам и самости Банни с семенем сна.

– Самости?

– Самость – это ось личности каждого человека, где наступает баланс между сознательным и бессознательным и зарождаются лучшие идеи. Там вызревают семена будущих терапевтических снов. Самость в хосте Банни приобрела архетипичный образ самого надежного и знакомого места, которое девочка имела в жизни. Ее камеры, – он поманил Вульфа рукой. – Идем. Впереди длинный путь.

Они стали подниматься к расщелине в стене пещеры. Вода в озере начала прибывать, и психонавты ускорили шаг. Свет, ниспадавший через карстовую воронку, обратился белой жидкостью, растворявшей известняк скальных образований, сковавших комплексы и страхи Вульфа. Его детские фобии сбросили панцирь прожитых в сублимации и отрицании лет и ринулись на психонавтов. За ними гнались злобные городские мальчишки и едкие, как щелок, старшеклассницы, готовые порвать их в лоскуты. Им вслед летели острые камни и скабрезные оскорбления вперемешку с ненормативной лексикой, достойной блошиного рынка в разгар субботнего дня. Один обломок известняка достиг цели и ударил Алекса по спине. Он споткнулся и упал на землю, но тут же был поднят за шкирку Гловером.

– Наверх! Живо!

Они бежали по грубо вытесанным в скальной породе ступеням все выше и выше, продираясь сквозь слои пыли и паутины. Гловер на мгновение обернулся, чиркнул зажигалкой и поджег оборванные шелковые нити. Яркая огненная стена ненадолго задержала погоню.

– Да уж, Алекс! К глубинному самоанализу ты явно не склонен.

Расщелина заканчивалась тупиком. Они добрались до узкой приставной лестницы, оставленной здесь Гловером и поднимавшейся к резной деревянной двери у основания свода пещеры.

– Лезь первым! Я за тобой!

Вульф без колебаний полез наверх, а Гловеру пришлось задержаться. Фобии настигли их, и нужно было срочно что-то предпринять. Он пошел к ним

навстречу, широко расставив руки и демонстрируя отсутствие каких бы то ни было дурных побуждений, за что моментально удостоился шматка грязи, прилетевшего ему прямо в лицо.

– Эй, молодежь, хорош! – прикрикнул он. – Попридержите коней. Я вас не боюсь и даже не хочу знать, кто вы нахрен такие. Давайте вдохнем поглубже и выпустим пар. Хотите услышать старую добрую шутку?

– Засунь в задницу свое старперское дерьмо, рыжий хер! – выступил вперед самый задиристый паренек из компании. – Нам нужен не ты, а тот ссыкливый мудак! С дороги!

– Знаю-знаю, но вы все же послушайте. Знаете, зачем родители покупают детям домашних питомцев? Чтобы расширить их кругозор. Собаки учат преданности. Кошки – независимости. А можете представить, для чего нужны хомяки?

Повисла безмолвная пауза. Подростки окружили Гловера стаей гиен. Вульф добрался до вершины лестницы и бросил взгляд вниз. Следовало смелее противостоять юношеским страхам и комплексам.

– Слышите, придурки? – перевел на себя внимание Вульф. – У хомяков задача в духе Иисуса – показать детям смерть!

Алекс расстегнул ширинку и принялся мочиться на компанию подростков прямо с верхотуры. Несколько капель долетели и до Гловера.

– Вульф, твою же мать… – договорить он не успел, потому что мимоходом получил палкой по голове.

Толпа улюлюкающих подростков ринулась вверх по лестнице. Алекс раскрыл деревянную дверь и вывалился в подъезд, чуть не споткнувшись об ящик с инструментами, оставленный Гловером. Подхватив кувалду, он пробежал немного вперед. По обе стороны коридора шли цифры с одинаковыми номерами квартир, звонки и обувные коврики, но сами двери отсутствовали вовсе. Вот отчего Гловер так долго не мог найти его комнату. Посреди коридора стоял уборщик и мыл полы видавшей виды шваброй, насвистывая какую-то популярную мелодию.

– Куда это вы собрались на ночь глядя, молодой человек? – бросил он, не оборачиваясь. – Все добрые люди уже давно почивают в мягких кроватках и отдыхают перед новым трудовым днем. Одна шваль шляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lynev_vladimir/kontora

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити